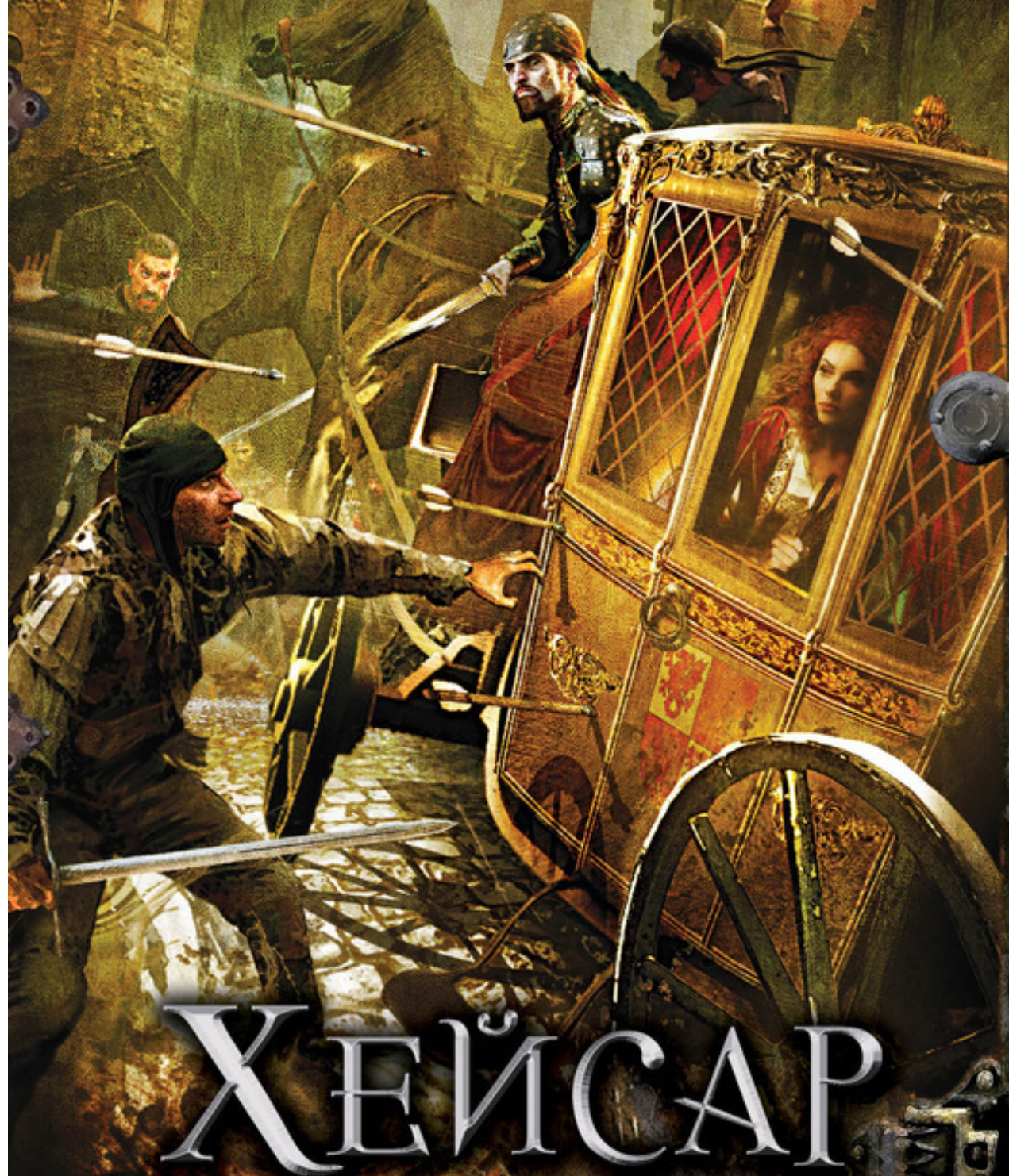

ВАСИЛИЙ ГОРЬ

ХЕЙСАР

Нелюдь

Василий Горь

Хейсар

«ЭКСМО»

2013

Горь В.

Хейсар / В. Горь — «Эксмо», 2013 — (Нелюдь)

ISBN 978-5-699-67034-5

Не каждый отважится пройти свой Путь до конца. Особенно – если это Путь в Небытие и предстоит увлечь по нему любимую женщину... Кром Меченый, Нелюдь и слуга Бога-Отступника, скорее откусит себе язык и истечет кровью, чем обречет леди Мэйнарию, баронессу д'Атерн, на такую судьбу. Ведь благородство – это свойство характера, а не крови. Хотя у простолюдина Крома, по кличке Меченый, оно как раз в крови. Но поможет ли благородство принять самое важное в его жизни решение? Остановиться в Шаге от цели и тем самым нарушить клятву, данную Двудликому, или пойти до конца?..

ISBN 978-5-699-67034-5

© Горь В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Василий Горь Хейсар

© Горь В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Бельвард из Увераша

Второй день

второй десятины первого травника.

...Протиснувшись сквозь прутья покосившегося плетня, донельзя грязный полуторогодовалый хряк забавно пошевелил пяточком и, хрюкнув, с деловым видом отправился исследовать соседский двор. Заглянул в разошедшееся ведро, обнюхал пыльный мешок из-под муки, сделал шаг в направлении обглоданной кости, валяющейся рядом с собачьей конурой, увидел хмурую морду ее обитателя и замер.

Дикая помесь ларранской сторожевой и волка лениво оторвала голову от передних лап и предупредительно рыкнула.

Хряк презрительно фыркнул и взрыл землю правым передним копытцем.

Не ответить на вызов пес не смог и, в мгновение ока оказавшись на ногах, молча рванул в атаку.

Короткий разгон, прыжок – и подранный свиненок, истошно визжа, бросился наутек. Но не тут-то было – вошедший в раж преследователь вцепился ему в загривок и коротким, но мощным рывком могучей шеи сбил хряка с ног.

Массивная трехведерная колода, ненароком задетая кем-то из них, перышком отлетела в сторону и зацепила рогатину, подпиравшую веревку с вывешенным на ней бельем. Полощущееся на ветру тряпье мигом оказалось на земле, а через пару ударов сердца по одной из простыней пронесся окровавленный, оглушительно верещащий хряк...

...Добрых минуты три ларранский ублюдок творил со своей жертвой что хотел, а потом в покосившемся сарае раздался возмущенный вопль, и во двор вылетела тощая, похожая на скелет, обтянутый кожей, молодка листовеней эдак восемнадцати-двадцати.

Увидев, во что превратилось ее белье, девица побагровела от бешенства, уперла в бока кулаки и заорала на всю Черную Слободу:

– Малашка, курица ты нетоптаная! Ты че там, спишь, шולי? Разуй бельма, овца колченогая, – твой вшивый боров рвет мое белье!!!

– Это я-то нетоптаная? Да я Найяру родила раньше, чем ты от сиськи оторвали!!! – донеслось из-за плетня.

– Борова забери, ты, тугоухая старуха! Он мне уже все белье изгваздал, слышишь?!

– Кто старуха, я старуха? Да ты на себя пасмари!!! На ты без слез не взглянешь – вон-а, одни кожа да кости! Потому-та на ты даж плешивый кобеляка не позарится!

– Да ты че? Правда, шоль? А чей-та вчерась, кады я Мутьку доила, твой через забор паялился та-й вздыхал, як телок увечный?

В соседнем дворе что-то громынуло, и над плетнем показалась голова и плечи дородной бабищи, выглядящей вдвое старше молодки:

– Эт кто, Анвирка, шоль?

– А хто ишо у нас плешивый кобеляка?

– Да ты... ты... да я те ща, вертихвостка кривоногая, все космы-т нечесанные повыдергаю!

– Грабли коротки!!!

– Эт у меня-т коротки?!

– И у тебя, и у твоего Анвирки...

...Поняв, что бабская свара вот-вот перерастет в потасовку, Бельвард презрительно поморщился, отвернулся от окна и... наткнулся взглядом на невесть откуда взявшегося в комнате Слизня:

- Ты уже вернулся?
- Да, ваш-мл-сть... – кивнул Серый¹. – Только что...
- Ну и?
- Приехал...

Юноша взвыл:

- И ты молчишь?!
- Я позвал, ваш-мл-сть, а вы не услышали...

С ненавистью покосившись на окно, за которым продолжалась перебранка, Бельвард сжал кулаки и с огромным трудом заставил себя успокоиться:

- Взяли?
- Да...
- Тогда веди!!!

...Дом на углу улицы Трех Снопов и Заречной сиял, как донжон замка Увераши в ночь перед Солнцеворотом²: окна второго этажа, затянутые стеклом, а не бычьими пузырями и завершенные самыми настоящими занавесками, горели светом масляных светильников, а по обе стороны от двери во двор полыхали факелы.

Здесь, в Черной Слободе, такое буйство огня и света выглядело довольно странно, поэтому первое, что сделал Бельвард, подобравшись вплотную к забору, – это нашел подходящую щель между досок и вгляделся в закрытый возок, стоящий в самой середине двора.

Как он и предполагал, «доживающий свои дни рыдван на колесах» оказался на ремнях³ – значит, вышел из рук не самого дешевого каретного мастера и изначально предназначался для выездов инкогнито! Через мгновение, оценив стать невзрачных, но от этого не менее выносливых и дорогих скарцев⁴, он повернулся к Слизию и с усмешкой поинтересовался:

- Купчиха, говоришь?

Серый недоуменно хмыкнул, потом приник к щели и с хрустом почесал небритый подбородок:

- Мде-е-е...
- Вот тебе и «мде»... – шепотом передразнил его Бельвард. – Белая⁵, причем не из последних...

Слизень согласно кивнул, потом повернулся к нему лицом и угрюмо вздохнул:

- Мы ворохнулись⁶... Но уже отелились⁷. Что вы хотите в ответку⁸?
- Чего?

– Мы ошиблись, ваша милость. И уже закончили работу. Значит, вы вправе уменьшить оплату или не заплатить нам ни копейки⁹...

Рвать только что налаженные связи с Серыми ради жизни какой-то там дворянки, и тем паче из-за собственной жадности, Бельвард не собирался. Поэтому представил, что бы в этой ситуации сказал его отец, и хмуро сдвинул брови к переносице:

– Боюсь, ее смерть создаст мне определенные проблемы. Радовать это не может, поэтому...

Слизень ощутимо напрягся.

¹ Серый – в просторечии член братства Пепла, т. е. уголовного мира Вейнара.

² Зимний Солнцеворот – праздник рождения солнца. В ночь перед ним в Вейнаре проходят самые крупные балы.

³ Ремни на средневековых каретах служили аналогами амортизаторов.

⁴ Скарцы – порода лошадей, выведенная в королевстве Скар.

⁵ Белая – т. е. дворянка.

⁶ «Ворохнулись» – дали маху (жарг.).

⁷ «Отелились» – сделали свою работу (жарг.).

⁸ «В ответку» – в качестве компенсации (жарг.).

⁹ Копье – мелкая серебряная монета.

Юноша расчетливо выдержал довольно длинную паузу и, решив, что заставил Слизня оценить всю глубину сделанной им ошибки, криво усмехнулся:

– ...поэтому ты будешь должен мне одну услугу! А за это дело – если, конечно, вы взяли того, кого обещали, – я заплачу вам всю сумму до последнего желтка¹⁰...

– Слово... – облегченно выдохнул Серый. – То есть я согласен.

– Я тебя слышал.

...На первые результаты работы пятерки¹¹ Серого Бельвард наткнулся сразу же, как проскользнул в неприметную калитку, ведущую на задний двор: черная полоса взрытой земли, начинающаяся в луже крови у стены, заканчивалась у стоптанного сапога, торчащего из-под куста смородины.

Остальные «результаты» были в доме: в прихожей, рядом с входной дверью, валялся *ицит*¹² с перехваченным горлом, чуть поодаль лежала бездыханная девица с бесстыже задранными юбками, а на площадке второго этажа, вжавшись спиной в щель между ажурными балюстрадами и глядя на мир мертвыми глазами, сидел еще один член гильдии Охранников.

Втянув ноздрями пьянящий запах свежепролитой крови, юноша облизал пересохшие губы и беззвучно рассмеялся.

– Сюда, ваша милость! – донеслось из коридора.

Перешагнув через алое озерцо, Бельвард торопливо добрался до предупредительно распахнутой двери, вошел в комнату и прикипел взглядом к лицу мужчины, лежащего на полу.

Сросшиеся брови, мясистый нос с узнаваемой горбинкой, тоненькая полоска шрама на левой скуле, яркие голубые глаза – вне всякого сомнения, человек, с ненавистью глядящий на него, был не кто иной, как Карваль из Голона!

– Он!!! – удовлетворенно выдохнул он, снял с пояса кошель с сотней золотых и, подкинув его на руке, бросил Слизню. – Если подождете с полчаса, то, когда я с ним закончу, сможете снять с него и его забавы¹³ все, что имеет хоть какую-то цену...

Отказываться от приработка Серый не захотел, поэтому вместо того, чтобы быстренько исчезнуть с места преступления, пообещал ждать столько, сколько потребуется.

Бельвард мысленно усмехнулся, мазнул взглядом по телу лежащей ничком девушки, оглядел стол, на котором не было ни еды, ни вина, комнату, лишенную даже намека на кровать, и удивленно приподнял бровь: судя по обстановке, эта парочка не собиралась ни есть, ни миловаться!

Задумчиво покосившись на Карваля, юноша сделал шаг к его забаве и, заметив, как напрягся пленник, удовлетворенно оскалится:

– А ведь она тебе дорога...

Пленник гневно сверкнул глазами и что-то замычал.

– Нет, кляп я доставать не буду! – ухмыльнулся Бельвард. – Мне за глаза хватит той муки, которую я вижу в твоём взгляде...

– О-о о-о-у е-е о-у!!!

– Конечно, попробую... – хохотнул юноша, неторопливо подошел к девушке, перевернул ее на спину, оглядел ее платье, выдержанное в черно-вишневых¹⁴ тонах, потом наткнулся взглядом на горбинку на носу и расплылся в счастливой улыбке: – О-о-о!!! Так это же твоя сестра! А я думал, что она, как и твои родители, вырвала тебя из своего сердца!

– Я е-я у-ю!!! – выгнувшись дугой, промычал Карваль.

¹⁰ Желток – золотая монета (*простореч.*).

¹¹ Пятерка – здесь – боевая группа Серых, обычно используемая для решения силовых вопросов.

¹² Щиты – члены гильдии Охранников (*простореч.*).

¹³ Забава – местное название любовницы.

¹⁴ Черный с вишневым – родовые цвета Голонов.

– Нет, это я тебя убью... – взявшись за шнуровку шоссов, оскалился Бельвард. – Но сначала ссильничаю и убью ее...

– Е-е-о-а-о?!

– За что? Ну как тебе сказать? – Юноша вытянул из ножен кинжал, поддел его острием подол верхнего платья девушки и одним движением вспорол его почти до пояса. – Помнится, на суде ты очень красиво рассуждал о справедливости...

Голон напрягся изо всех сил, стараясь разорвать путы, но не преуспел.

Бельвард полюбовался на его искаженное отчаянием лицо, потом распорол нижнее платье графини д'Голон, провел пальцем по ее белоснежному бедру от колена до лона и возбужденно сглотнул:

– Так вот, Бездушный отнял у меня двух братьев и будущее, а ты помешал мне забрать его жизнь...

– А-о-а?

– А она – средство, которое позволит мне отравить последние мгновения твоего существования...

Глава 2

Кром Меченый

Третий день второй десятины первого травника.

...К концу часа волка¹⁵ Дейр¹⁶ наконец добрался до конца Пути¹⁷ и ненадолго замер перед последним Шагом. Я закрыл глаза и мысленно застонал – Аррата¹⁸, вымотанная бесконечным бегом от Ватаги Лесовиков, была уже совсем близко и в ближайшие минуты должна была оказаться в безопасности. Подарив ему¹⁹ долгожданное Темное Посмертие.

Ему. Но не мне...

«Я готова... – мысленно повторил я набившие оскомину слова, сказанные леди Мэйнарией сразу после оглашения приговора Королевского Суда, и обессиленно закрыл глаза. – Когда в дорогу?»

Вот уже почти четверо суток эти две коротенькие фразы рвали мне душу, как клещи палача: все три варианта действий, которые я мог предпринять, казались мне неправильными!

Остановиться в Шаге от цели? Тогда я нарушал клятву, данную Дзуликому, и тем самым терял возможность воссоединиться с родными.

Разделить Путь на двоих? Но в Дороге к Посмертию²⁰, которую я знал наизусть, не было ни слова о попутчиках! А если бы и были, то я бы не смог посчитать таковым человека, которого собственноручно сталкивал с Последней Грани.

Уйти одному, нарушив данное слово и оставив баронессу д'Атерн в Авероне? Тогда я обрекал ее на позорную смерть!

...Гард'эйт – это Великий Дар... – восторженно глядя на меня, воскликнул Вага Крыло Бури. – Теперь я вижу, что ты получил его заслуженно!

– Я не хочу ее смерти... – глядя на выходящих из Дворца Правосудия белых, угрюмо выдохнул я.

– Твоими устами говорит Барс... – восхищенно воскликнул хейсар. – Ты ощутил, что несешь ответственность еще и за ашиару Мэйнарию...

– Я НЕ ХОЧУ ЕЕ СМЕРТИ!!! – взвыл я, поняв, что горец не понял сути сказанного. – Я почти прошел свой Путь и вот-вот получу Темное Посмертие! Темное Посмертие – это уход! Мой и ее! Скажи, как мне отказаться от этого Дара?

Побратим короля посмотрел на меня беиным взглядом и зарычал:

– Не оскорбляй свою гард'эйт, илгиз²¹! Человек, отдавший тебе свою жизнь, недостойн такого позора!

– Позора?

Видимо вспомнив, что я не хейсар и не могу знать всех особенностей этой клятвы, Вага взял себя в руки и снизошел до объяснений:

– Гард'эйт, не сумевшего разделить жизнь со своим майягардом, побивают камнями. А род, воспитавший труса, предадут забвению...

¹⁵ Час волка – с 2 до 3 часов ночи.

¹⁶ Дейр и Уна – луны Горгота.

¹⁷ Путь – россыпь звезд, тянущаяся от одного края горизонта до другого. Почти совпадает с видимой траекторией движения Дейра.

¹⁸ Аррата – одна из самых ярких звезд небосвода. При ясном небе рядом с ней видна Ватага Лесовиков – клин из нескольких мелких звездочек.

¹⁹ Первый (слуга) – одно из названий Дейра. Ночь – время Дзуликого. Дейр и Уна – его верные слуги.

²⁰ Дорога к Темному Посмертию – священная книга ордена Дзуликого.

²¹ Илгиз – долинник (хейсарск.).

– «*Весь Путь Идущего – это череда малых и больших Испытаний...*» – глядя, как в свечении Дейра тускнеет россыпь Ватаги Лесовиков, горько пробормотал я. – «*В малых Бог-Отступник проверяет на излом тело. В больших – Дух и Веру. Да, именно так, а не наоборот: раны, увечья и даже смерть во время истинного Шага приведут Идущего к Цели, а одна-единственная ошибка в Выборе столкнет его с Пути...*»

«Столкнула... – мелькнуло на краю сознания. – Уже давно... В тот день, когда я решил переночевать в замке Атерн...»

Мысль была грязной. До безумия. И до безумия же подлой. Поэтому я виновато склонил голову и принялся читать «Покаяние» – единственную молитву с просьбой о прощении, которую я знал. Естественно, обращаясь не к Богу-Отцу, а к Богу-Отступнику. И не с самого начала, в котором братья во Свете каялись во всех грехах, которые когда-либо существовали, а с середины:

– Устрашившись выбора, я, Кром по прозвищу Меченый, идущий по предначертанному тобою Пути, запятнал свою душу сомнением. Не отврати от меня лика своего, даруй мне силу духа, ясность ума и умение отличать истинное от ложного...

Бог-Отступник смотрел на меня, так как через считанные мгновения после того, как я дочитал последние строки, за моей спиной еле слышно скрипнула дверь, а тишину комнаты для телохранителей разорвал тихий шепот баронессы д'Атерн:

– Кро-о-ом?

«Да, Мэй?» – хотел было сказать я, повернулся к двери и онемел: леди Мэйнария стояла в дверном проеме в тоненькой ночной рубашке на голое тело. Босая и простоволосая. И до ужаса напоминала Ларку!

Оглядев меня с ног до головы, она зябко повела плечами и грустно вздохнула:

– Ну вот, опять не спишь...

Я пожал плечами: заснешь тут, как же.

Как ни странно, этот короткий и почти ничего не значащий жест вывел баронессу из себя:

– Сколько можно молчать? Скажи мне хотя бы одно слово!

Я сглотнул подступивший к горлу комок и сказал первое, что пришло мне в голову:

– Зря...

– Зря? – эхом переспросила она и нехорошо прищурилась: – А ты бы стал строить из себя эйдине²², зная, что для меня это закончится Декадой Воздаяния²³?

– Ничем бы это для меня не закончилось... – угрюмо буркнул я. – В ночь перед казнью меня бы выпустили из тюрьмы, а всем заинтересованным лицам сообщили бы, что я так сильно испугался наказания, что откусил себе язык и истек кровью...

– Н-не поняла?

– Граф Рендалл дал мне слово, что после суда меня вывезут из Аверона и отпустят на все четыре стороны. Таким образом, дадут мне возможность завершить свой Путь и получить Темное Посмертие, *не забирая с собой тебя...*

Девушка на негнущихся ногах подошла к моей кровати, рухнула на край перины, запустила пальцы в волосы и застонала.

У меня пересохло во рту и потемнело в глазах – я понимал, что леди Мэйнария не горит желанием *уходить*, но почему-то считал, что она не захочет демонстрировать свое нежелание так явно.

²² Эйдине – сумасшедший (*хейсарск.*).

²³ Декада Воздаяния – вид местной казни, во время которой преступнику отрубают руки и ноги, прижигают раны огнем, а потом катают по городу десять дней подряд. Не давая ему ни есть, ни спать...

За пару минут, потребовавшихся ей, чтобы хоть как-то смириться с упущенными возможностями, мое и без того омерзительное настроение стало еще хуже. И к моменту, когда баронесса подняла на меня взгляд, я был готов услышать все что угодно. Включая проклятия.

– Получается, что его светлость пытался спасти мне жизнь?

Я ошарашенно почесал затылок – вместо того чтобы думать об ожидающем ее уходе в Небытие, леди Мэйнария разбиралась с мотивами поведения графа Рендалла.

– Ну да...

– Кром! Я должна перед ним извиниться!

– Попроси у леди Этерии карету... – буркнул я. – Думаю, она не откажет.

– Попрошу... И съезжу к нему... Сегодня же! – кивнула баронесса. Потом сгорбила плечи и потерянно вздохнула: – Знаешь, а ведь я была уверена, что ради моего спасения ты отказался от своего Пути...

«Почти отказался... Аж два раза. Но меня уберег Двудикий...» – угрюмо подумал я. А вслух сказал совсем не это: – Клятвы, данные Богам, не нарушают...

– Да-а-а? – криво усмехнулась Мэйнария. – Тогда почему ты вот уже трое суток ломаешь голову, пытаешься придумать, как *уйти* без меня?

– Я думаю не об этом... – вздохнул я.

– А о чем?

– О том, что Испытание, ниспосланное мне Двудиким, слишком сложное для меня...

– А для нас двоих?

– Мэй! Ты совсем молода! Ты должна жить – блистать на балах, очаровывать мужчин, рожать детей, наконец!

Баронесса посмотрела на меня как на юродивого и... горько рассмеялась:

– Очаровывать? Кого? Ты видел, как на меня смотрели все те, кто присутствовал во Дворце Правосудия? Как на дешевую, потасканную розу²⁴!

– Но ведь мэтр Регмар...

– Кром! – перебила меня она. – Ты что, не понимаешь? Для всего дворянства Вейнара я – подстилка Двудикого! И это мнение не изменит ни свидетельство Регмара, ни личное заступничество Вседержителя!

– Прости...

– За что? За то, что ты спас меня от акрида? За то, что не дал меня ссильничать и убить вассалам графа Варлана, лесовикам и грабителям из Меллора? Или за то, что благодаря тебе я смогла восстановить доброе имя моего отца?

– Мэй...

Баронесса мигом оказалась на ногах, подскочила ко мне, встала на цыпочки и ласково провела ладошкой по моей щеке:

– Не рви себе душу! Наш путь предначертан Богами, и мы обязаны пройти его до конца...

– Боюсь, он получится совсем коротким... – вздохнул я и, взяв с подоконника свой посох, показал ей коротенький отрезок чистого дерева, на котором могла поместиться всего одна зарубка.

– Тем больше причин прожить каждую минуту отведенного нам срока так, чтобы им... – баронесса показала пальцем в потолок, – не было за нас стыдно...

Ее устами вещали Боги. И я смирился – прислонил посох к стене и обреченно кивнул:

– Хорошо...

Леди Мэйнария прищурилась:

– Значит, ты больше не будешь целыми днями молчать?

– Нет, не буду...

²⁴ Роза – местное название женщины легкого поведения.

– Тогда... скажи, пожалуйста, почему шестая зарубка... – она скользнула к посоху и ткнула пальцем в Путь, – какая-то не такая?

Правое предплечье – место, куда тогда попал арбалетный болт, – неприятно заныло, а вслед за ним запульсировало и ребро, сломанное ударом крестьянского цепы.

Я привычно поскреб ногтями белесое пятнышко шрама, почесал бок и... удивленно приподнял бровь – при виде этих жестов во взгляде баронессы появилось сочувствие и понимание:

– Как я и предполагала...

– Что «предполагала»?

– В тот день тебя ранили в правую руку и... в бок. Значит, резать пришлось левой...

Мысль о том, что она не просто хранила мой посох, а пыталась представить каждый из сделанных мною Шагов, согрела душу:

– Все зажило. Уже давно...

– Видела... – кивнула баронесса и густо покраснела. Видимо, сообразив, о чем она, невинная девушка, говорит с мужчиной.

Чтобы сгладить возникшую неловкость, я поинтересовался, не холодно ли ей стоять босиком на холодном полу.

Девушка благодарно улыбнулась, сорвалась с места, запрыгнула на мою кровать и... юркнула под мое одеяло!!!

Я покачал головой и показал взглядом на неприкрытую дверь:

– Боюсь, тебя неправильно поймут...

– Действительно... – согласилась баронесса. – Я – в постели, а ты – стоишь! Присаживайся...

– Мэй!!!

– Я по тебе скучала... Очень... И не уйду, пока не наговорюсь вдоволь...

...Как только со двора послышался голос первого проснувшегося обитателя особняка барона Дамира, Мэйнария сокрушенно вздохнула, отпустила мою руку, за которую держалась всю ночь, и выскользнула из-под одеяла:

– Я – к себе...

Я кивнул: ее планы на день мы уже обсудили, причем не один раз, и я знал, что ей надо как можно быстрее привести себя в порядок, чтобы успеть добраться до королевского дворца до того, как граф Грасс выберется из своих покоев.

Мой кивок оказался ошибкой – баронесса, почти добравшаяся до двери, остановилась между мною и мерной свечой, повернулась ко мне вполоборота и возмущенно зашипела:

– Кто-то обещал не молчать!

Я торопливо опустил взгляд – свет свечи, пробившийся сквозь тонкую ночную рубашку, демонстрировал мне очертания ее груди, волнующий изгиб поясицы, длинные бедра и... заставлял вспоминать, как все это выглядело при свете дня.

– Кро-о-ом? Ты чего? – почувствовав мое состояние, тихонечко спросила Мэй.

– Я буду ждать... – выдохнул я, решив, что такой ответ ее удовлетворит. Не тут-то было – девушка подошла ко мне вплотную и пальчиком заставила меня поднять голову.

– Что с тобой?

Ее грудь замерла в ладони от моего носа, и мне вдруг показалось, что я явственно вижу белоснежную кожу в крупных пупырышках и светло-розовый сосок, сжавшийся на холодном ветру.

– Ты... краснеешь? Почему? – удивилась баронесса, а через пару мгновений тихонечко захихикала: – Кром, ты чудо...

– Почему?

– Потому!!! – воскликнула она, растрепала мне волосы, прикоснулась губами к моей щеке и исчезла...

...Лежать на кровати, смотреть в потолок и видеть перед собой обнаженную Мэйнарию оказалось не менее сложно, чем решиться сделать последний Шаг *вдвоем*: уже через пару минут после ее ухода я почувствовал себя похотливым животным и попытался вышибить эти образы из головы наиболее действенным способом – тренировкой.

Отжимания до предела не помогли. Приседания до упаду – тоже. И я, решив подойти к делу посерьезнее, подхватил свой посох и отправился искать место, где можно выложиться до предела.

Нашел. И довольно быстро – первый же попавшийся навстречу вассал барона Дамира, выслушав мой вопрос, расплылся в ослепительной улыбке и, аккуратно поставив на пол ведро с кипятком, попросил меня следовать за собой.

Я, естественно, согласился – и через пару минут оказался в великолепном тренировочном зале, одна из стен которого оказалась увешанной разнообразным оружием, а вторая – zdоровенными зеркалами.

Оглядев все это великолепие, я отрицательно помотал головой и попросил слугу проводить меня туда, где обычно занимается их стража.

Парень улыбнулся еще шире и... заявил, что мне, ЛИЧНОМУ ГОСТЮ ЕГО СЮЗЕРЕНА, не пристало заниматься где-нибудь, кроме этого зала!

Я попытался объяснить, что это ошибка, что я – всего лишь спутник баронессы д'Атерн и даже не дворянин, на что получил убийственный ответ:

– Если вы сомневаетесь в моих словах – поинтересуйтесь у ее милости...

Пожав плечами, я развернулся к двери и... чуть не сбил с ног скользнувшую в зал баронессу Этерию Кейвази. Почему-то одетую по-хейсарски.

– Доброе утро, Кром! – ничуть не удивившись тому, что я нахожусь в зале для *белых*, поздоровалась она. – Решил потренироваться?

Я склонил голову и пожал плечами:

– Доброе утро, ваша милость! Хотел... Где-нибудь за заднем дворе...

Баронесса смешно наморщила носик и фыркнула:

– А чем тебе не угодил этот зал?

– Ваша милость, зал – прекрасный! Но он не для меня...

Этерия Кейвази жестом приказала слуге испариться и, дождавшись, пока он закроет за собой дверь, без тени улыбки посмотрела на меня:

– Я предложила свое гостеприимство не баронессе д'Атерн и ее спутнику, а моей подруге и человеку, чью дружбу я хотела бы заслужить!

– Ваша милость, о чем вы? Я – простолюдин, а вы – дворянка! О какой дружбе между нами может идти речь?

Выслушав мою тираду до конца, Этерия Кейвази зачем-то поправила ножны с Волчьими Клыками и весело улыбнулась:

– Мой пра-пра-прадед, Харред Жеребец, самый обычный водонос²⁵ при дворце Эйзела второго Латирдана, получил баронский титул и лен Кейвази за то, что месяц или полтора не вылезал из спальни вдовствующей королевы Агилиары. Основатель рода Фаррат, Цейрин Рыжий, выжлятник²⁶ Ваграна Первого, получил патент только за то, что помог разрешиться от бремени любимой суке короля. Лайвер Косорукий, будущий граф Тьюварр, стал дворянином, просто помочившись в пропасть...

– Как это? – удивился я.

²⁵ Водонос – местное название человека, ответственного за доставку воды для омовения.

²⁶ Выжлятник – охотник, ведающий гончими собаками.

– Этриан первый, Нерешительный, жутко боялся высоты. На одной из охот, здорово перебрав крепкого вина, он увидел «геройство» Косорукого и счел его поступок признаком невероятного мужества. А утром, протрезвев, не решился признать свою ошибку...

– Но ведь не все основатели дворянских родов получили свои титулы таким образом, правда?

– Не все... – согласилась баронесса. – Большинство заработало их своей храбростью, верностью или самоотверженностью. Однако я сейчас не об этом: главное, что все они когда-то были простолюдинами!

Я мысленно хмыкнул: баронесса Этерия Кейвази смотрела на мир не так, как все остальные *белые*. И это внушало уважение...

– На мой взгляд, благородство – это свойство характера! Характера, а не крови! Ты – дворянин по духу. Поэтому я почти за честь заслужить твою дружбу...

Фальши в ее словах и взгляде не было. Так же, как и болезненного интереса, зависти к подруге или похоти. Поэтому я склонил голову ниже, чем во время приветствия, и вздохнул:

– Спасибо на добром слове, ваша милость. Но, боюсь, вы забыли о том, что я – Бездушный, практически закончивший свой Путь. Через месяц, быть может, два я получу Темное Посмертие. А до этого момента буду скитаться по дорогам Вейнара, чтобы найти возможность сделать последний Шаг...

– Об этом мы с тобой поговорим чуть позже... – улыбнулась леди Этерия. – А пока, если ты не против, я бы хотела размяться, а потом попробовать поработать, скажем, в парном танце²⁷ Ветра. Если ты его, конечно, знаешь...

...Разминка мне была нужна не меньше, чем баронессе, – пребывание в тюрьме и трое суток, которые я безвылазно проторчал в выделенной мне комнате, здорово сказались на состоянии мышц. Поэтому, дождавшись, пока леди Этерия займет место перед зеркалами, я отошел в дальний угол и принялся разогреваться. Изредка поглядывая на дочь барона Дамира.

К моему удивлению, разминалась баронесса более чем умело – каждое движение было наполнено смыслом и делалось именно в той последовательности, в которой требовал Путь Клинка. Да что там последовательность – ее движения были отточены, как лезвие меча, и быстры, как высверк молнии! А еще, в отличие от меня, чувствующего свое тело через пень-колоду, она двигалась легко, как воробушек, и так плавно, как будто совсем не чувствовала сопротивления жил²⁸!

На ее фоне я чувствовал себя корягой, поэтому конец разминки посвятил растяжке. А после ее завершения трижды прошел танец Ветра в одиночку.

Помогло – дуновения²⁹ начали перетекать одно в другое без малейших шероховатостей, в перемещениях и отводах появилась должная плавность, а в ударах – скорость и мощь. Даже самый сложный момент танца – переход из стойки Расколотого Камня в стойку Вздыбленного Коня с серией из четырех ударов по воображаемому противнику – получился с такой же легкостью, как обычно. Правда, только в самом последнем проходе.

Это заметила и баронесса Кейвази – как только я застыл в стойке Выпрямившегося Тополя и опустил руки, она восхищенно улыбнулась:

– Мэтр Корвайн Молния оказался прав – ты действительно Мастер!

– Спасибо, ваша милость... – ответил я. – Скажите, а что вы будете танцевать, полдень или полночь³⁰?

²⁷ Танец – местное название комплекса формальных упражнений.

²⁸ Здесь – связки.

²⁹ Дуновение – название боевых связок комплекса Ветра.

³⁰ Полдень и полночь – партия защиты и атаки. (В карате они называются «учи» и «тори».).

– Полночь... – отозвалась леди Этерия, подошла на каноническое расстояние для парного танца, поклонилась (!) и рванулась в атаку...

...Работала она великолепно! Даже для мужчины: в первых десяти дуновениях она дважды заставляла меня разрывать дистанцию, а в двенадцатом исполнила Выдох Полуденника с такой скоростью, что я, побоявшись заблокировать его в полную силу, подставил под пальцы, сложенные в наконечник копья, грудь. И нарвался на насмешливый комментарий баронессы:

– Этого движения в танце нет!

– Ваша милость, мне почему-то очень дорого мое горло! – продолжая двигаться, ответил я.

– Ты хотел сказать «ваши руки»? – хихикнула она. – Мне показалось, что ты просто побоялся сделать мне больно...

...В последних восьми дуновениях танца канонической была только *полночь* – на той скорости, на которой атаковала леди Этерия, любой жесткий блок переломал бы ей кости. Естественно, баронесса не возражала – поняв, что ее конечностям ничего не грозит, она окончательно расслабилась и работала в меня, как в идеальное зеркало³¹...

...К концу третьего прохода танца Ветра я начал получать удовольствие – даже на предельной скорости Этерия Кейвази не путалась в дуновениях, не теряла равновесия и не рвала темп передвижения. Кроме того, она была вынослива, «набита» и успевала реагировать на неканонические движения. А вот с танцем Земли у нее получалось заметно хуже: движения в стиле, рассчитанном на высокий рост, довольно большой вес и избыток силы, получались излишне легкими и какими-то пустыми. Конечно же, это сказалось и на количестве ошибок – за пять проходов первой поступи леди Этерия раз двадцать сбилась с темпа и приблизительно столько же раз потеряла равновесие. Однако сдаваться она не умела, поэтому терзала меня до тех пор, пока не почувствовала суть движения.

Вторую поступь отрабатывали в том же стиле – сравнительно медленно, но очень добросовестно. А третью – не стали: посмотрев на мерную свечу, баронесса чему-то улыбнулась, зачем-то дотронулась до кольца на правом мизинце и предложила мне свободный бой в рамках стилей Ветра и Огня...

...Первые минут пять леди Этерия металась вокруг меня маленькой злой пчелкой, старательно пытаясь ужалить меня хоть куда-нибудь. И постоянно промахивалась – от атак ногами я уходил, удары руками гасил мягкими или жесткими, но легкими блоками, а при попытке зайти на бросок разрывал дистанцию.

Поняв, что достать меня в оговоренных рамках не получится, леди Этерия начала хитрить – сначала до предела взвинтила темп, а потом начала добавлять в бой связки из других стилей. И довольно неплохо: в одной из таких атак ей почти удалось коснуться моего виска, во второй – обозначить удар в косую мышцу живота, в третьей – чувствительно ткнуть в правое подреберье.

Контроль движений ей поставили великолепно, поэтому расслабился и я – начал контратаковать, «вязать» ей руки, уходить за спину и даже подсекать ее ноги «стопа в стопу».

Ей понравилось. И еще как – после одного из особо удачных уходов, когда я оказался за ее спиной, а она пару ударов сердца не понимала, куда я девался, она начала хохотать. Потом – баловаться. И наконец, атаковала меня одной из самых жестких поступей Земли – поступью Скального Великана.

То ли я слишком расслабился, то ли атака, начатая с середины одного из дуновений Ветра, оказалась слишком неожиданной, но на первый удар – ноги в пах – я ответил смещением вперед и в сторону, Подхватом Медведя и легким шлепком левой ладони по лицу. Это касание, заменившее удар кулака в висок, выглядело достаточно угрожающе, чтобы баронесса,

³¹ Зеркало – местное название спарринг-партнера.

пытаясь увернуться, отвернула голову влево и не заметила, как моя ладонь, продолжая движение, схватила ее за араллух.

Заблокировав обе руки баронессы, я привычно скрутил корпус вправо, оторвал левую стопу от земли и... сообразил, что держу дворянку за грудь и за бедро!!!

Замер. Торопливо убрал руки, сделал шаг назад и опустил голову:

– Виноват, ваша милость...

– Двадцать или тридцать? – поинтересовалась леди Этерия.

– Как прикажете... – мрачно буркнул я: на мой взгляд, прежде, чем расценивать эти прикосновения как оскорбление, ей стоило вспомнить о правилах свободного боя...

– Кро-о-ом?

– Да, ваша милость? – спросил я, поднял взгляд и разозлился: баронесса улыбалась! Так, как будто меня ждали не плети, а бал в королевском дворце!

– У тебя испортилось настроение? Почему?

Объяснять ей, что радоваться будущему наказанию могут только юрродивые, было глупо, поэтому я ограничился тем, что пожал плечами.

Леди Этерия свела брови к переносице, склонила голову к плечу и расхохоталась:

– Кром, ты что, считаешь меня полной дурой?! Я спросила тебя не о количестве плетей, которые ты мог бы получить, будь на моем месте другая дворянка, а о количестве повторений, которые потребуются сделать, чтобы хоть как-то освоить это движение!

– Вы что, хотите повторить?

– Я хочу научиться!

– Ваша милость, я для вас тяжеловат... – попробовал выкрутиться я. – Вы надорветесь...

Не тут-то было – баронесса подошла ко мне вплотную, встала на цыпочки и заглянула мне в глаза:

– Кро-о-ом? Я похожа на человека, который отвечает на добро злом?

– Нет, ваша милость!

– Тогда учи!

– Да, но вы – девушка, а я – мужчина...

– Я, баронесса Этерия Кейвази, прошу тебя, Мастер Меча Кром по прозвищу Меченый, взять меня в ученики! Мои кости – твое мясо!!!³²

Девушка не шутила – ее взгляд был предельно серьезен, а положение тела идеально соответствовало каноническому!

– Леди Этерия, я Мастер не меча, а Чекана. И Посоха. Но...

– Я бы на твоём месте согласился... – донеслось от входной двери. – Причем с радостью...

Я повернулся на голос и сложился в поясном поклоне: на пороге тренировочного зала стоял Вейнарский Лев! И улыбался...

– Доброго дня, Неддар! Я так рада тебя видеть! – затараторила баронесса. – Представляешь, Кром чуть было не провел на мне потрясающий бросок, а теперь отказывается ему учить. И в ученики вот брать не хочет...

Я онемел: леди Этерия обратилась к королю на «ты», по имени и без его разрешения!!!

Грозно сдвинув брови к переносице, король посмотрел не на нее, а на меня:

– Это правда?

– Да, ваше величество... – обреченно ответил я. – Там один из захватов делается за ворот араллуха, а второй – за бедро...

– Покажи!

– Н-не понял, сир?

³² «Мои кости – твое мясо» – ритуальная фраза, обозначающая правовые границы того, что дозволено мастеру по отношению к ученику.

– Брось меня! – потребовал он и, не дожидаясь ответа, скинул с плеч плащ, расстегнул пояс и снял с него ножны с кинжалом и мечом. – Как и куда атаковать?

– Поступью Скального Великана! – подсказала баронесса. – Я была с правой ноги...

Неддар кивнул, скользнул ко мне, нанес требуемый удар и, оказавшись в захвате, попытался перескочить через подсекающую ногу. Я мысленно попрощался со своей буйной головушкой и добавил скорости опорной ноге короля...

...Замерев в ладони от пола, Вейнарский Лев восхищенно присвистнул. А когда я разжал руки и опустил его на пол, мигом оказался на ногах:

– Да... Ради такого броска и я бы пошел в ученики...

Потом заправил камзол, поправил пояс и улыбнулся:

– Мастер Меча Кром по прозвищу Меченый! Я, король Неддар второй Латирдан, даю тебе свое высочайшее разрешение взять в ученики мою невесту, баронессу Этерию Кейвази...

– Простите, сир, но я не могу... – справившись с удивлением, выдохнул я. – Дело в том, что я почти завершил свой Путь и в ближайшем будущем получу Темное Посмертие...

Король кивнул, прошел к подоконнику, сел и задумчиво посмотрел на меня:

– Что ты знаешь о клятве, которую дала Бастарзу Мэйнария д'Атерн?

– Только то, сир, что отказаться от нее невозможно... – мрачно буркнул я.

– Это тебя расстраивает?

– Да, ваше величество...

– Меня – тоже. Поэтому я захотел с тобой посоветоваться...

«Когда власть имущие начинают интересоваться твоими желаниями – беги... – любил говаривать Круча. – Ибо ничем хорошим это не закончится...»

Цитировать эту фразу королю было бы верхом глупости, поэтому я предпочел сделать вид, что потерял дар речи.

Неудачно – полюбовавшись на мое «удивленное» лицо, Вейнарский Лев отрицательно помотал головой:

– Я не собираюсь тебя обманывать. И использовать в своих целях – тоже. Просто опишу тебе сложившуюся ситуацию, а потом предложу выход. Если ты сочтешь его приемлемым – я сделаю все, чтобы вы с Мэйнарией об этом не пожалели. Не сочтешь – предоставлю вас вашей судьбе...

Особого выбора у меня не было, поэтому я согласился:

– Как скажете, сир!

Неддар удовлетворенно кивнул, ласково улыбнулся баронессе Кейвази и снова уставился на меня:

– Итак, для начала – несколько слов о политике: недавний мятеж, унесший жизни тысяч жителей Вейнара, разделил дворянство на несколько лагерей. Первый и самый многочисленный – верные вассалы короны, деятельность которых в той или иной степени направлена на благо королевства. Второй лагерь – это недобитые сторонники покойного графа Варлана, а также их родственники, друзья и кредиторы. То есть люди, смысл жизни которых заключается в мести всем, кто имеет хоть какое-то отношение к крушению их планов, финансовым потерям и гибели их родных и близких. Третий лагерь – сомневающиеся. Те, которые будут сидеть в своих норах и трястись над тем, что у них есть... до того, пока не почувствуют силу или слабость моей десницы...

Я понимающе кивнул.

– За последний месяц стараниями сотрудников Тайной службы число тех, кто меня ненавидит, уменьшилось в несколько раз. И продолжило бы уменьшаться и дальше, если бы не решение Королевского Суда по делу о смерти братьев Уверашей: абсолютно законное решение судьбы настолько сильно задело графа Ильмара и его многочисленную родню, что резко увеличило число моих недоброжелателей...

Я скрипнул зубами и изо всех сил сжал кулаки: кроме короля, все эти люди ненавидели и Мэйнарию д'Атерн, а я, дурень, согласился с ее объяснениями и отпустил ее во дворец в сопровождении жалкой пары хейсаров!!!

Следующая фраза Вейнарского Льва подлила масла в огонь:

– Вчера вечером я читал доклад одного из соглядатаев Тайной службы, служащего в доме Уверашей. Оказывается, граф Ильмар жаждет не только твоей смерти, но и смерти ряда лиц, не имевших к гибели его сыновей никакого отношения. В частности, Мэйнарии д'Атерн, графа Рендалла, Арзая из рода Уммар, Карваля из Голона и мэтра Регмара. Кстати, если бы мести жаждал он один, я бы не переживал – Ильмар достаточно прямолинеен и лишен фантазии. Увы, тем же самым желанием обуреваема и его супруга, леди Марзия Увераш. А она, по уверениям графа Грасса, способна на все что угодно...

– Мой отец утверждает то же самое... – вздохнула Этерия Кейвази.

– Тогда каждая минута нашего пребывания в этом доме, сир, подвергает опасности еще и барона Дамира с леди Этерией! – воскликнул я.

– Угу... – кивнул Латирдан. – Поэтому вы его покинете. В ближайшие день-два...

К моему удивлению, вместо того, чтобы сказать хотя бы слово о долге гостеприимства и связанных с ним обязательствах, баронесса Кейвази утвердительно кивнула и с обожанием посмотрела на короля!

Ее поведение настолько не вязалось с тем образом, который я успел составить себе за три дня пребывания в ее доме, что я криво усмехнулся и с издевкой повторил ее слова, сказанные мне перед началом тренировки: «почту за честь заслужить твою дружбу...» Естественно, про себя. А вслух сказал совсем другое:

– Хорошо, сир, покинем...

– Не торопись делать выводы... – почувствовав, что я помрачнел, хмыкнул король. – Я рассказал далеко не все...

Глава 3

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Третий день второй десятины

первого травника.

...Нечесанные волосы, серебрящиеся сединой, серое, землистого цвета лицо, ввалившиеся скулы, тяжелые черные мешки под глазами и измученный взгляд воспаленных глаз – граф Грасс выглядел не могучим воином, а надломленным жизнью стариком. Нет, не выглядел – он им был: правая половина лица казалась какой-то неживой, уголок губ болезненно кривился, а пальцы десницы, выпустившие перо при моем появлении, мелко-мелко дрожали.

– Доброго дня, баронесса... – чуть подав корпус вперед, поздоровался Рендалл. – Простите, что не встаю – я неважно себя чувствую...

Я похолодела, толком не дослушав первое предложение: граф выговаривал слова невнятно и с такой натугой, как будто держал на плечах грузеную телегу!

Вглядевшись в его лицо, я отметила, что его правое³³ нижнее веко безжизненно опущено, и, догадавшись, что это значит, забыла про все нормы приличия:

– Ваша светлость, скажите, а голова у вас случайно не кружится?

Грасс шевельнул рукой так, как будто пытался от меня отмахнуться:

– Я просто слегка переутомился...

– Вы можете ответить на мой вопрос прямо? – взвыла я.

Он грозно нахмурил брови и нехотя кивнул:

– Кружится...

– А руки, ноги или лицо немеют?

– Немеет... Вся левая сторона... – криво усмехнулся он. – Мэтру Регмару я уже показывался...

– И что? – перепуганно поинтересовалась я.

– Он приволок мне кучу каких-то отваров и попытался запретить вставать с кровати...

– Ваша светлость, он прав: у вас, скорее всего...

– ...удар! – закончил за меня Рендалл. – Я знаю. Но есть дела, которые не терпят отлагательств...

– Вы себя совсем не бережете... – поняв, что переубедить его невозможно, расстроенно выдохнула я, увидела очередную кривую усмешку на его лице и вспомнила о цели своего приезда: – Ваша светлость! Я должна попросить у вас прощения...

Грасс удивленно выгнул бровь. Вернее, попытался выгнуть, но вместе с бровью в движение пришла и вся левая половина лица. При этом правая осталась неподвижной, превратив его в жуткую маску:

– За что именно, леди?

– Вы пытались спасти мне жизнь. А я вас оскорбила!

Граф опустил взгляд и пожал плечами. То есть одним плечом – правым:

– Тебе не за что извиняться, дочка, – со стороны мое поведение смотрелось... низко...

Обращение на «ты» согрело мне душу. Но от чувства вины избавиться не смогло:

– Ваша светлость, я...

– Ты дала слово. И сделала все, чтобы его сдержать...

– Но...

³³ При остром поражении правой среднемозговой артерии наблюдается парез правой половины лица и левой половины тела.

– Мэй! Извиняться должен я – за то, что не смог тебя уберечь...

Безумное, рвущее душу отчаяние, прозвучавшее в этих словах, раскаленной иглой вонзилось мне в сердце и заставило меня прозреть: нынешнее состояние графа Рендалла было результатом его переживаний ЗА МОЮ ЖИЗНЬ!!!

– Ваша светлость... – непослушными губами прошептала я и заплакала.

Увидев слезы на моих щеках, Грасс попытался вскочить на ноги и, внезапно побледнев, рухнул обратно, со всего размаху ударившись головой о спинку.

Я торопливо подхватила юбки, обежала стол и, упав на колени рядом с креслом графа, осторожно дотронулась до его руки:

– Как вы, ваша светлость? Совсем плохо, да?

Широченная, покрытая застарелыми мозолями ладонь тяжело оторвалась от подлокотника и ласково прикоснулась к моим волосам:

– Не бойся, дочка! Все хорошо... Прав...

...Полчаса, потребовавшиеся слугам, чтобы разыскать мэтра Регмара, показались мне Вечностью – я до дрожи в пальцах разминала запястья потерявшего сознание Грасса, каждые две минуты прикасалась к почти бесцветным венам на его шее, вслушивалась в их безумное биение³⁴ и безостановочно молила Богов не забирать его жизнь.

Боги колебались: раза три или четыре толчки крови становились такими слабыми, что я в ужасе начинала прислушиваться к его дыханию. К моей безумной радости, горячие молитвы все-таки были услышаны – минуты за две до появления королевского лекаря веки Рендалла дрогнули и он наконец пришел в себя.

– Ваша светлость, постарайтесь не шевелиться! Мэтр Регмар вот-вот будет здесь... – затапаторила я. – Он даст вам какой-нибудь отвар...

– ...и пустит кровь... Или добьет, чтобы не мучился... – едва шевеля губами, закончил Грасс. Потом посмотрел на меня мутным взглядом и скривил лицо в очередной гримасе: – Я что, терял сознание?

– Да...

– Плохо...

Я согласно кивнула и шмыгнула носом.

– Не плачь, а то личико опухнет. И перестанет привлекать мужчин... – грустно пошутил Грасс.

– Да и Дзуликий с ними, с мужчинами! – в сердцах воскликнула я. – Главное, чтобы вы побыстрее встали на ноги!

– А вот этого пока делать не надо!!! – рявкнул знакомый голос, и в кабинет ворвался лекарь его величества.

...В покои графа Грасса меня не пропустили – не успели широченные двери, за которыми скрылись носилки с его телом, захлопнуться перед моим носом, как за спиной раздался тихий голос мэтра Регмара:

– Ваша милость, вам лучше идти к себе...

– Я должна быть рядом с его светостью!!! – воскликнула я.

– Какой в этом смысл? – удивился он. – Вы же видели, каким количеством отвара алотты³⁵ я его напоил?

– Мэтр! Этот приступ... он... из-за меня, – опутив взгляд, призналась я. – И удар, скорее всего, тоже...

Лекарь прищурился, задумчиво подергал себя за бородку и хрустнул костяшками пальцев:

³⁴ Биение жил – местное название пульса.

³⁵ Отвар алотты – местное снотворное.

– Вполне возможно...

– Да не «возможно», а точно!!! Он переживал за меня!!! Переживал, понимаете? А я...

– А вы переживаете за него...

– Регмар!!!

– Вы хотите сказать, что я ошибся и что вы рассчитывали его добить?

– Да как вы смеете!!! – заорала я. – Я приехала извиниться!!!

– Я так и понял... – кивнул он. – А теперь, когда вы выполнили свой долг, позвольте мне выполнить мой.

– Я должна...

– Нет!!! – рявкнул он. – Если вы *действительно* желаете графу добра, то постарайтесь не показываться ему на глаза до полного выздоровления.

...К каретному двору я шла как в тумане – не замечала приветствий попадавшихся навстречу дворян, не слышала их возмущенных шепотков за спиной и с запозданием реагировала на подсказки следующих за мной телохранителей. Почему? Да потому, что их «вправо», «влево» и «вперед» ОТДАЛЯЛИ меня от человека, оказавшегося на Грани из-за меня! Что самое обидное, я не могла даже пообещать себе вымолить прощение Грасса после того, как он выздоровеет: клятва, данная Богу-Воину, превратила меня в пушинку, влекомую ветром чужого Предопределения, и лишила даже намека на свободу воли. А количество оставшихся Крому Шагов превращало возможность увидеть Рендалла еще хотя бы раз в нечто неосуществимое...

...Подсказки закончились. Довольно скоро. То ли потому, что хейсарам надоела моя запоздалая реакция, то ли потому, что они решили дать мне возможность подумать. Где меня мотало – не скажу, потому что не помню: через некоторое время я пришла в себя у распахнутого настежь окна, выходящего к Лабиринту.

Кое-как стряхнув с себя оцепенение, я растерянно вгляделась в хитросплетения кизильника и барбариса, повернулась, чтобы поинтересоваться у хейсаров, в каком месте дворца мы находимся, и услышала ворчание, донесшееся сквозь «стену» ближайшего кабинета³⁶:

– ...а то закончишь как Этерия Кейвази!

Слышать имя баронессы в таком контексте мне еще не приходилось, поэтому я оперлась руками о подоконник и превратилась в слух.

– Маменька, я просто высказала свое мнение. Один-единственный раз!

– Сколько раз тебе повторять – мужчины любят не умных, а дур! Дур, понимаешь?! Хлопай ресницами, красней, пори чушь! Делай что угодно, но всегда, слышишь, всегда соглашайся со всем, что они говорят!!!

– Но ведь леди Этерия поразила короля Неддара не чем-нибудь, а своим умом!

– И чего она добилась? – презрительно фыркнула «маменька». – Жалкой десятины³⁷ в его постели? Презрения высшего света? Или клейма «бывшей»?

– Ну, она все-таки была его фавориткой. А все остальные – нет!

– Она БЫЛА!!! Была, а теперь – в опале! И уже никогда не вернется ко двору...

– Ну да... Вы правы... И все равно – она очень умная.

«Маменька» аж задохнулась от возмущения:

– Умная? Дура она! Причем полная: я сегодня беседовала с мэтром Фитцко, и он сказал, что за все время своего пребывания рядом с королем Этерия Кейвази не смогла раскрутить его ни на одно платье!!!

– Как это?

– А вот так: все, что ей шилось, оплачивал барон Дамир. Из своего кошель!

³⁶ Кабинет – элемент ландшафтного дизайна, группа декоративных кустов и деревьев, расположенных по периметру.

³⁷ Десятина – десять дней.

«Опала? Какая опала?» – запоздало удивилась я. Потом поняла, что о таких вещах просто так не судачат, и сорвалась с места: леди Этерии требовалось участие. И чем быстрее – тем лучше...

...К тому времени, когда мне подали карету, мои мысли снова вернулись к графу Грассу. Поэтому, забравшись внутрь, я села не на заднее, а на переднее сиденье и, слегка сдвинув занавески, уставилась на окна Западного Крыла.

Когда карета легонько качнулась и начала набирать ход, я прикрыла глаза и попыталась представить себе, как граф Рендалл просыпается, встает, выглядывает в окно, видит отъезжающую карету с гербом баронов Кейвази и машет мне рукой.

Увы, получилось совсем не так, как я хотела, – сначала перед моим внутренним взором возникло его изможденное лицо, потом – тоненькие, едва видимые жилки на шее и покрытая темными пятнышками кожа рук.

«Он выздоровеет! Обязательно выздоровеет!» – мысленно затараторила я и почувствовала, что снова плачу...

...Досмотр кареты перед выездом в город занял считанные мгновения: десятник королевской стражи, заглянувший внутрь, тактично сделал вид, что не заметил моего заревавшего лица, быстренько закрыл дверь и тут же приказал открыть ворота.

Я криво усмехнулась и уставилась на кованую решетку с гербом Латирданов, постепенно уменьшающуюся в размерах. А через минуту, когда карета свернула на Дворцовую, задвинула занавеску и откинулась на спинку сиденья – продемонстрировать досужим прохожим свое опухшее лицо у меня не было никакого желания...

...Ржание лошадей, резкий толчок в спину, щелчок кнута и раздавшаяся за всем этим площадная брань вырвали меня из состояния забытья и заставили прислушаться к происходящему на улице.

– ...Убирайся с дороги, ты, прыщавый недоносок!!! – орал кучер. – А то перетяну еще раз!!!

– Да я тя, морда слюнявая, ща в землю по уши вобью!!!

– Разуи глаза, паскуда, а потом глянь на запятки: ща хейсары выйдут из себя и поотломают тебе обе вбивалки!

Я нахмурилась, потянулась к занавеске и окаменела – во внутренней стенке кареты, чуть ниже уровня моих глаз, вдруг возник хвостовик арбалетного болта!!!

Треск проламываемого дерева, дикие крики, лязг стали и прервавшийся на первой же ноте рев сигнального рожка я услышала потом. Когда сообразила, что в карету стреляли!

Выпрямилась... шарахнулась головой о еще один хвостовик и похолодела – второй болт, пущенный на том же уровне, торчал там, где должна была находиться моя шея!!!

Я закусила губу, осторожно выглянула на улицу и застыла. Увидев окровавленный клинок в руке несущегося к карете мужчины...

Глава 4

Кром Меченый

Третий день второй десятины первого травника.

...К часу оленя³⁸ куафер Тайной службы превратил десятника Хедрена по прозвищу Сломанный Рог во второго меня. Шрам от ожога, цвет волос, бороды и усов, оттенок загара и даже морщины на его лице выглядели так, как будто были моими! Я смотрел в лицо своего двойника, как в зеркало, и пытался представить себе, как он будет выглядеть в движении.

Видимо, король Неддар думал о том же самом – стоило куаферу сорвать с Хедрена простыню, покрытую пятнами краски и усыпанную обрезками волос, как он приказал мне пройти к камину и обратно.

Прошел. Остановился. Почесал подбородок. И с интересом уставился на десятника.

Воин усмехнулся, о-о-очень знакомо поскреб щетину и перетек ко мне:

– Сними-ка с пояса чекан...

Я снял. Протянул ему. И ошалело хмыкнул: повесив его на пояс, Сломанный Рог не только сдвинул его в сторону *моим* жестом, но и идеально изобразил МОЕ удивление! Потом снова снял его с пояса и протянул мне:

– Спасибо...

– Похоже... – ухмыльнулся король. – Даже очень...

Десятник отрицательно помотал головой:

– Чтобы стало действительно похоже, сир, мне нужно походить за Кромом еще часа полтора-два...

– Походишь... Столько, сколько ну...

В этот момент дверь в комнату вылетела наружу и на пороге возник мрачный, как грозовая туча, Арзай Белая Смерть:

– Ашер³⁹?!

Неддар Латирдан, оказавшийся за спинкой собственного кресла чуть ли не раньше, чем заскрипели петли, вложил выхваченный клинок обратно в ножны и вопросительно мотнул головой:

– Чего?

Начальник Тайной службы внимательно оглядел всех присутствующих в комнате людей, задержал взгляд на чекане, висящем у меня на поясе, неодобрительно хмыкнул и хмуро пробормотал:

– Я опоздал: Карваль из Голона *уже* убит...

Вейнарский Лев нехорошо прищурился:

– Когда?! Где?! Кем?!

– Вчера ночью, ашер... В Черной Слободе, в домике, в котором он обычно встречался со своей сестрой... Кем – пока не знаю... – Арзай Белая Смерть снова покосился на меня и криво усмехнулся: – Все подозреваемые провели эту ночь в своих особняках...

Неддар с хрустом сжал кулаки:

– Как его убили?

– Сначала вырвали язык, потом отрубили конечности и дали истечь кровью...

– То есть устроили ему укороченную Декаду Воздаяния? – взбеленился король.

– Да, ашер... А перед этим ссильничали и лишили жизни леди Ивицу...

³⁸ Час оленя – с 2 до 3 часов дня.

³⁹ Ашер – старший брат (*хейсарск.*).

Неддар вцепился в спинку кресла так, что побелели пальцы:

– Что ж... Тем хуже для них...

Хейсар склонил голову – мол, хуже-то хуже, а человека уже не воскресишь – и тихонечко добавил:

– Это еще не все, ашер: графа Рендалла хватил еще один удар...

...Бесконечная прогулка с двумя теньями – с десятником Хедреном и куафером короля – вымотала меня больше, чем тренировочный бой такой же продолжительности с постоянно меняющимися противниками. И не из-за дотошности «двойника», безостановочно требовавшего изобразить то или иное движение или жест, а потому, что, пока он слонялся за мной, я не мог выйти во двор. Ибо, по уверениям Арзая Белой Смерти, за особняком Кейвази должно было вестись наблюдение!

Показывать наблюдателям двух Бездушных в мои планы не входило, поэтому я послушно выполнял самые безумные требования своего двойника. И терпеливо ждал, пока куафер внесет очередное дополнение в созданный им образ.

Слава Дзуликому, любое мучение когда-либо заканчивается – через какое-то время мой мучитель пришел к выводу, что увидел все, что хотел. И откланялся. Куафер, естественно, тоже, а я, чуть было не подскочив на месте от радости, понесся во двор.

Увидев выражение моего лица, воины, дежурившие у ворот, отрицательно помотали головами. И на всякий случай открыли калитку.

Я, конечно же, вышел на улицу, посмотрел в сторону Дворцовой и... понял, что стоять и ждать не в состоянии. Вдохнул, поудобнее перехватил посох и, постепенно ускоряясь, рванул вверх по улице.

Вид несущегося сломя голову Бездушного пугал прохожих до икоты. А псов, охраняющих ближайшие особняки, заставлял заливаться лаем.

К моменту, когда я добежал до конца кованой ограды с гербами баронов Олдарров, заливалась вся Белая Слобода. Причем так громко, что заглушала перестук копыт. Из-за этого на перекрестке Алой и Копейного переулка я чуть было не влетел под копыта угольно-черного омманца⁴⁰.

Всадник – совсем молоденький парнишка в цветах д’Ожей, – заметив метнувшуюся к нему тень, попытался перетянуть ее хлыстом. Как мне кажется, по привычке, ибо, когда я проскользнул между крупом его скакуна и мордой каурой кобылки его спутника и понесся дальше, довольно громко икнул:

– В-воха, это кто, Меченый?

– Он самый, ваша светлость! Грят, остановился в особняке у барона Дамира...

– Спаси меня Вседержитель... – потрясенно выдохнул парнишка и, кажется, добавил что-то еще, но в этот момент я увидел, что из-за высоченной стены замка баронов Эддиеров выворачивает знакомая карета, запряженная четверкой ослепительно-белых жеребцов, и забыл про его существование...

...Карета приближалась медленнее, чем я хотел. Но все-таки приближалась, и я перешел на шаг. А потом улыбнулся – мои страхи оказались беспочвенными: леди Мэйнарии удалось съездить во дворец и обратно без всяких проблем.

Через несколько мгновений, когда кучер взмахнул поводьями, подстегивая лошадей, я сообразил, что останавливать карету ради меня вассалы барона Дамира, скорее всего, не будут, и замедлил шаг. Потом остановился и похолодел: вместо цветов рода Кейвази кучер оказался облачен в доспехи королевской стражи!!!

⁴⁰ Омманец – порода лошадей.

Сглотнул... Шагнул вперед... Вгляделся в силуэт мужчины, стоящего на запятках, и понял, что это – не хейсар!

Тем временем карета набрала ход и приняла чуть-чуть левее. Так, как будто кучер соби-
рался с шиком вписаться в правый поворот...

«Похищают...» – понял я и вышел из себя...

...Удар плечом в круп правой выноской⁴¹ опрокинул ее на землю. Рывок за постромки ее соседки заставил коренных упереться в землю всеми четырьмя копытами и испуганно заржать. И заодно стряхнул на землю изготовившегося к бою похитителя.

– Убью!!! – заревел я, торопливо произнес фразу, дарующую Благословение Двуликого, и рванулся в атаку...

...Кучер, упавший под ноги лошадям, старательно старался изобразить труп. Поэтому я метнулся за его сообщниками, которые ни с того ни с сего попытались дать деру. Догнал. Правого. Почти. И... остановился – прыгать через забор, оставляя Мэй одну, было глупостью. Метнул вдогонку нож. Промахнулся. И побежал обратно, сообразив, что только что краем глаза видел окровавленную занавеску, висящую в лишенном двери дверном проеме!

Добежал... Вскочил на подножку... Трясущейся рукой отодвинул полуоторванную тряпку и, уходя от удара в лицо, со всего размаха треснулся головой о дверную петлю. Вскинул руку, перехватил тоненькую белую кисть с зажатым в ней арбалетным болтом и... рухнул на колени:

– Живая!!!

– Кром!!! – взвыла баронесса, выронила свое оружие и повисла у меня на шее.

– Мэй! Леди Мэйнарии!! – затараторил я. – Мы на улице!!!

– Плевать! Ты – рядом!! Теперь я от тебя ни на шаг...

...Это были не просто слова: минуты через полторы, когда она с грехом пополам объяс-
нила, что я чуть не убил королевских стражников, которые вызвались отвезти ее домой, мне пришлось извиняться, *не вылезая из кареты*. И передавать весомое дополнение к извинению – кошель леди Мэйнарии – тоже.

Кстати, расспросить ее о том, что с ней произошло, я не смог – стоило мне открыть рот и задать вопрос, как она начинала мелко-мелко дрожать и вжималась в меня так, как будто я пытался выбросить ее на улицу!

Когда карета въехала в предупредительно распахнутые ворота и оказалась в кольце из вассалов барона Дамира, Мэй все-таки взяла себя в руки. И, разгладив окровавленное платье, вслед за мной выбралась наружу.

Я огляделся по сторонам, убедился, что ей ничего не угрожает, и качнулся к «кучеру», который как раз начал рассказывать о происшествии:

– ...Не знаю! Услышали рев сигнального рога, добежали до Дворцовой, а там – ваша карета и трупы...

– Расскажу... Все... Когда выкупаюсь... – прикоснувшись к моему локтю, шепотом пообещала баронесса и нервно вытерла правую ладонь о платье.

Что скрывается за этим жестом, я знал, как никто другой. Поэтому вцепился в руку пер-
вого попавшегося слуги и рявкнул:

– В покои леди Мэйнарии – бочку для омовений! Живо!!!

Парень поклонился и исчез.

– Спасибо... – одними губами сказала баронесса, потом вскинула голову и царственно поплыла к *белой* лестнице...

⁴¹ Выносная – лошадь, припряженная впереди коренника постромками и тянущая карету вперед.

...С каждым шагом вверх по ступеням она становилась все увереннее и увереннее в себе, а когда мы поднялись на третий этаж и столкнулись со спешащей нам навстречу леди Этерией, участливо прикоснулась к плечу хозяйки особняка и грустно улыбнулась:

– Ты только не переживай, ладно? Он передумает, обязательно передумает! И вы снова будете вместе!

Баронесса Кейвази растерянно захлопала глазами:

– Кто передумает? Ты о чем, Мэй?

– Его величество! Мало ли – не выспался, разозлился на кого-то, плохо себя чувствовал...

Хозяйка особняка недоумевающе посмотрела на меня, а потом расхохоталась до слез:

– Мэй, ты о Неддаре, что ли?

– Ну да...

– Отец дал согласие! Свадьба – в начале третьего жолтенья⁴²... А слухи об опале – лишь способ уберечь меня от покушений и интриг...

– Слухи? Ты... уверена?

– Конечно: прежде, чем приказать Арзаю их распространять, Неддар посоветовался со мной!

– Здорово... Я за тебя так рада! – улыбнулась баронесса д'Атерн и... как будто погасла – сгорбила плечи, закусила губу и снова принялась тереть правую ладонь о платье.

Этерия Кейвази помрачнела, потом увидела пятна крови на ее платье и срывающимся голосом спросила:

– Мэй! Тебя ранили?!

– Нет... Переволновалась... Ничего страшного – часик посижу в бочке с горячей водой, лягу спать пораньше – и к утру приду в себя...

– К утру? – эхом переспросила леди Этерия и, закусив губу, посмотрела на меня.

Я пожал плечами – мол, пока Мэй не отойдет от покушения, мы никуда не поедem. И на всякий случай набычился.

Девушка понимающе кивнула и ласково прикоснулась к руке баронессы д'Атерн:

– Можно я с тобой посижу?

Мэй отрицательно помотала головой:

– Прости, но я бы хотела побыть одна...

...Когда водонос приволок последнее ведро с кипятком и вышел из купальни, Мэй собственноручно подперла входную дверь стулом и повернулась ко мне спиной:

– Расшнуруй корсет, пожалуйста!

– Что?

Она порывисто развернулась на месте и хрипло выдохнула:

– Я... только что... убила... человека...

– Ты защищала свою жизнь! – воскликнул я. – И сделала это только единожды⁴³...

– Ты меня не понял: я воткнула болт ему в глаз... Глаз лопнул и потек по лицу... Я вижу это до сих пор... Даже сейчас, когда смотрю на тебя...

– Твою руку направлял Бог-Воин... – глухо буркнул я. – И меру воздаяния для нападавшего тоже выбирал он! Значит, тот, кого ты убила, получил именно то, что заслужил!

– Да, наверное... Но чтобы перестать это видеть, мне нужно время... И твоя помощь...

Я закрыл глаза и кивнул:

⁴² Жолтень – осень. В нем три месяца по четыре десятины.

⁴³ Кром решил, что Мэй переживает из-за будущего Посмертия. Ибо она верила во Вседержителя, а Изумрудная Скрижаль гласит следующее: «Тот, кто отворил кровь единожды, подобен скакуну, вступившему на тонкий лед: любое движение, кроме шага назад, – суть путь в Небытие! Тот, кто отворит кровь дважды и более, воистину проклят. Он никогда не найдет пути к Вседержителю...»

- Помогу. Всем, чем смогу.
- Тогда расшнуруй корсет...

Глава 5

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Четвертый день второй десятины первого травника.

...Разбойничий посвист, шелчок тетивы арбалета, испуганный вскрик, долгое, почти бесконечное мгновение тишины, новые щелчки... и я, перепуганно открыв глаза, вдруг поняла, что летящий к моему лицу окровавленный болт – всего лишь кошмар, навеянный теньканьем пересмешника⁴⁴!

Облегченно перевела дух, взгляделась в белесое пятнышко шрама у себя перед носом и нервно сглотнула, поняв, что лежу, обнимая Крома за шею и забросив колено ему на живот!!!

Вспыхнула, изо всех сил зажмурилась и вспомнила, что перед тем, как заснуть, целомудренно держала его за руку:

...Переступив через горку заляпанной кровью ткани, я кое-как стянула с себя нижнюю рубашку, бросила ее на пол, посмотрела на табурет, приставленный к бочке, и поняла, что взобраться на него не смогу.

Закусила губу, повернулась к Крому и тихонько попросила:

– Подойди, пожалуйста!

Меченый, стоявший с закрытыми глазами, сглотнул и, не открывая глаз, шагнул ко мне.

– Кром, ты меня уже видел... – устало буркнула я. – Помоги забраться в бочку, а то у меня колени подгибаются...

Открыл глаза. Подал руку. Подвел к табурету и придержал, пока я перебиралась через край. Дождался, пока я опущусь на скамеечку на дне, а потом хрипло поинтересовался:

– Можно я пойду?

– Нет... Сядь рядом... Пожалуйста... И дай мне руку...

Сел. Протянул правую. А левой рванул верхний край нагрудника так, как будто тот мешал ему дышать.

Удивляться его поведению не было сил, поэтому я положила затылок на край бочки и бездумно уставилась в потолок. Вернее, попыталась уставиться – дрожь, сотрясающая меня с головы и до пят, стала еще сильнее, а перед глазами снова возникло перекошенное лицо убийцы с текущим по щеке глазом!

Чуть не заорав от ужаса, я торопливо передвинула скамейку поближе к Крому и увидела, что он сидит зажмурившись. А на его скулах перекатываются желваки.

– Кром, мне не хватает твоего взгляда... – глядя на него снизу вверх, выдохнула я. – Посмотри на меня, пожалуйста!

Он тряхнул головой, потом решительно положил на край бочки левую руку, опустил на нее подбородок и уставился мне в глаза. С таким искренним сочувствием, что лицо убийцы сразу же куда-то пропало, а у меня начала кружиться голова...

...Сидеть, держать его за руку и тонуть в его глазах было здорово – горячая вода постепенно вымывала из души всю ту грязь, в которую я окунулась, отняв чужую жизнь, а взгляд Меченого наполнял ее спокойствием и уверенностью в правильности содеянного.

Слова были лишними – он чувствовал, что мне действительно становится легче, а я знала, что не одинока...

...Через вечность, когда вода окончательно остыла, я пришла в себя и поняла, что пора перебираться в опочивальню.

Встала, выжала волосы и попросила Крома подать мне полотенце.

⁴⁴ Пересмешник – местное название соловья.

Подал. Но перед этим опустил взгляд и покраснел.

Я не придавала этому значения – перебралась на табурет, кое-как вытерлась и высушила волосы, потом снова вцепилась в руку Меченого и потащила его в свою опочивальню...

...Ночная рубашка, простыни и одеяло оказались холодными. А под балдахин – темно и страшно. Поэтому я снова вцепилась в пынущую жаром ладонь Меченого и устала на его лицо, на котором играли отблески света мерной свечи.

«Кто сказал, что Бездушные живут и дышат Тьмой? – мелькнуло в голове. – Кром – это олицетворение Света и тепла!»

– Добрых снов, Мэй! – нервно улыбнулось «олицетворение Света» и попробовало задвинуть боковой полог.

Не тут-то было – я придержала его руку, потом решительно отодвинулась от края ложа и взглядом показала на освободившееся место:

– Ложись рядом... Я без тебя не усну...

Кром отрицательно помотал головой:

– Нет. Не могу...

– Просто приляг... На самый край... И не отнимай руку...

Вспомнила. Покраснела до корней волос. Потом торопливо отодвинулась подальше и рванула одеяло к подбородку.

По губам Меченого скользнула грустная улыбка.

«Дурень! Мне все равно, простолюдин ты или дворянин! Ты – человек, которого я уважаю...» – мысленно заорала я и вдруг поняла, что говорить об этом бессмысленно – он все равно не поверит.

Тем временем Кром справился со своими чувствами и учтиво поздоровался:

– Доброе утро, леди! Как вы себя чувствуете?

Заострять внимание том, что он перешел на «вы», я не стала – сонно улыбнулась, хорошенько потянулась и, пододвинувшись обратно к Кром, вернула руку и ногу на их законное место.

Он растерялся. Настолько, что ненадолго потерял дар речи. А когда обрел его вновь, то смог выдать из себя одно-единственное слово:

– Мэй?

– Ты – теплый! – мурлыкнула я. – А там – холодно...

Он зажмурился и потряс головой – так, как будто пытался проснуться.

Мне стало смешно, и я решила его добить:

– Ты не обнимешь меня за спину? А то она мерзнет...

– Мэй, ты понимаешь, о чем просишь? – потерянно пробормотал он.

Я ласково прикоснулась кончиками пальцев к его щеке и кивнула:

– Да! Кстати, помнишь, я обещала, что не отойду от тебя ни на шаг?

– Угу...

– Так вот, я хочу добавить, что и спать мы будем вместе...

– Мэй, ты...

Договорить ту самую фразу я ему не дала – накрыла его губы ладонью и гневно выдохнула ему в лицо:

– Я – твоя гард'эйт! Я отдала тебе жизнь потому, что ты этого ДОСТОИН! И если ты еще раз попробуешь сказать мне то, о чем подумал, я...

Угрожать ему мне было нечем. Да и не хотелось. Поэтому предложение я закончила после небольшой паузы – тогда, когда поняла, как именно на это среагирую:

– ...очень сильно расстроюсь!

Он понял. И то, что я не шучу, и то, что последние слова – не пустая угроза.

– Хорошо... «ТО» – не буду. Скажу другое: ты – девушка, а я – мужчина...

– И что? – не поняла я.

Он снова растерялся. Потом закрыл глаза и угрюмо поинтересовался:

– Что ты чувствуешь, когда ко мне прикасаешься?

– Спокойствие, уверенность в том, что со мной ничего плохого не произойдет, душевное и... обычное тепло... – затараторила я.

– Я не об этом... – сказал он, не открывая глаз. – Что ты ощущаешь? Пальцами, ладошками, предплечьем, животом?

«Как это – животом?» – ошарашенно подумала я, прислушалась к своим ощущениям и... вспыхнула: мой живот, а также грудь и внутренняя поверхность бедра оказались не менее чувствительными, чем руки!!!

– Теперь ты меня понимаешь? – горько усмехнулся он. – Я вижу в тебе Женщину! Красивую и... желанную... Поэтому каждое твое прикосновение становится для меня испытанием...

...Он чувствовал себя виноватым, безумно боялся того, что его слова сделают мне больно, и пытался защитить меня от себя! Да, именно защитить – в его голосе звучала обреченность наполовину с решимостью, а в глазах плескалась боль!

Видимо, поэтому я попробовала вслушиваться не в слова, а в мысли. То есть говорить, забыв о словах⁴⁵. И мгновенно прозрела, поняв, что чувствую в нем не похоть, а нежность!!!

Это было приятно... Очень... А когда я сообразила, что он наконец перестал видеть во мне свою погибшую сестру, на губах сама собой заиграла счастливая улыбка:

– Красивую, говоришь?

– Очень... – выдохнул Кром и... вытаращил глаза: – Мэй, ты слышала, что я сказал?

– Слышала... – кивнула я, потерлась щекой о его плечо и добавила: – И мне понравилось! Я буду спать с тобой...

...Ощущать себя красивой и желанной оказалось чуточку страшновато: теперь, когда я знала, что он чувствует, когда я к нему прикасаюсь, каждое шевеление – мое или его – мгновенно лишало меня способности соображать. И дарило новые, захватывающие ощущения.

Я пьянела от его запаха его кожи, плавилась от жара тела и рук и невольно представляла себя на месте девушек, изображенных в свитке Олли Ветерка «Тайны дворцовых альковов».

...Я – томно полулежащая в кресле, с платьем, бесстыдно задранном до середины бедра, – и он, стоящий передо мной на коленях и страстно взирающий на мою щиколотку...

...Я – с расшнурованным корсетом, всжимающаяся в нишу за скульптурой вздыбленного коня – и он, целующий мою обнаженную грудь...

...Я – восседающая на его животе в чем мать родила – и он, ласкающий мои ягодицы...

Образы, мелькающие перед моим внутренним взором, становились все более волнующими, и в какой-то момент, «увидев» себя распростертой на полу, а его – нависающим надо мной, я поняла, что схожу с ума. И заставила себя отодвинуться от Крома подальше.

Меченый, все это время лежавший с закрытыми глазами, нервно сглотнул, отчего его кадык дернулся вверх-вниз. В этот момент я вдруг увидела его совсем другим – не бесстрастным слугой Двумликого, скитающимся по Горготу в поисках нуждающихся в спасении, а безумно одиноким мужчиной, вот уже целую вечность не чувствовавшим простого человеческого тепла!

Я приподнялась на локте, снова пододвинулась к нему вплотную, практически легла на его грудь и прикоснулась губами к его щеке!

Он вздрогнул, как от удара, открыл глаза и изумленно уставился на меня:

– Мэй, ты чего?

⁴⁵ Мэйнария имеет в виду фразу «Ловушка нужна для ловли зайца. Когда заяц пойман, про ловушку забывают. Слова нужны, чтобы поймать мысль. Когда мысль поймана, забывают про слова. Как бы мне найти человека, который забыл про слова, и поговорить с ним?» (На самом деле это изречение принадлежит Чжуан Цзы.)

– Ты уже не одинок... – выдохнула я. – У тебя есть я...

Глава 6

Бельвард из Увераша

Четвертый день второй десятины первого травника.

...—Ваша све... Ваша милость, у вас вся рука в крови! Позвольте, я перевя...

— Убирайся... — глухо рыкнул Бельвард, не отрывая взгляда от своего лица, отражающегося в осколке размером с его голову, прихотью Вседержителя оставшемся торчать в простенькой раме из полированного ореха.

— Но в ране могут оста...

— Во-о-он!!! — заорал юноша и снова врезал по осколку кулаком.

Верхняя часть шеи, подбородок и нижняя губа разлетелись вдребезги. Но перед тем как превратиться в стеклянное крошево, на одно-единственное мгновение показали ему сотни белых, как снег, лбов, черных полосок бровей и окровавленных повязок на месте правого глаза...

— С-с-сука! — прошипел Бельвард. — Роза!! Подс-с-стилка Бездуш-ш-шного!!!

— Ваша с... милость, мэтр Марон запретил вам волноваться... — тихонечко напомнил Ясс.

— Кажется, я приказал тебе убираться вон?

— У вас снова начнет болеть голова... — глядя в пол, буркнул телохранитель. Потом подумал и добавил совсем тихо: — А жевать ан-тиш⁴⁶, да еще и сутками напролет, последнее дело...

— Да ты вообще знаешь, что такое боль? — взвыл Бельвард. — Представляешь, каково чувствовать раскаленный болт, безостановочно ворочающийся в твоей глазнице и выжигающий не только мясо, но и душу?

— Боль приходит и уходит, а ан-тиш остается. И превращает человека в грязное и слюнявое существо, лишенное даже намека на волю...

— Я не собираюсь жевать его вечно!!!

— Никто не собирается... Однако жуют... А потомдохнут, захлебываясь в собственной блевотине!

Представив себя бьющимся в конвульсиях в зловонной луже и с розовой пеной на губах, юноша гневно поморщился и демонстративно положил руку на рукоять кинжала:

— Еще одно слово — и ты лишишься языка!

Телохранитель криво усмехнулся, пожал плечами, потом склонил голову и, выбив дверь плечом, вышел из комнаты...

— Терпеть ЧУЖУЮ боль — легко! — заорал ему вдогонку Бельвард. — И советовать — тоже! А вот оказываться там, где ДОЛЖЕН, — нет!!!

Отвечать на последнюю фразу Ясс не стал, хотя и мог. Хотя... нет, ответил — в прихожей раздалось злое хекание, и дом зашатался от могучего удара.

Презрительно усмехнувшись, юноша подошел к окну и увидел в нем свое отражение.

Зажмурился. Осторожно прикоснулся к скуле. Почувствовал шероховатость ткани, пропитанной лечебной мазью. Сдвинул руку чуть выше и почувствовал, как у него слабеют колени, — повязка, прикрывающая пустую глазницу, была на месте. А глаза — не было!!!

— Я вырву тебе оба и заставлю их съесть! — выдохнул он. — Потом вырежу желудок и скормлю их еще раз! Поняла?!

За соседским забором насмешливо тявкнула какая-то блохастая тварь, чуть подальше — еще одна, и по Ремесленной Слободе покатылся издевательский собачий брех.

⁴⁶ Ан-тиш — «розовая слюна», местный растительный наркотик.

Бельвард изо всех сил стиснул зубы, зажмурился и застонал – как и обещал мэтр Марон, напряжение мышц лица ослабило действие обезболивающего отвара и снова вернуло ощущения...

...Первое прикосновение Боли оказалось легким и почти неощутимым: где-то под повязкой с лечебной мазью вдруг затлел крошечный уголек.

Второе – чуть грубее: уголек превратился в иглу и слегка нагрелся.

Третье – невыносимым: игла раскалилась добела, обрела толщину и грани, шевельнулась и в который раз за сутки вырвала его глаз!!!

– Ясс... – упав на колени и вжавшись лбом в пол, выдохнул Бельвард. – Я-асс!! Я-я-асс!!!

Далеко на краю корчащегося от боли сознания гроыхнула дверь, простучали каблучки сапог и раздался встревоженный голос телохранителя:

– Да, ваша светлость?

– Дай...

– Что, светлость?!

– Кусочек ан-тиша! Маленький! Слышишь?!

Целая Вечность мрачного молчания... Тихий вздох... Шелест разматываемой ткани – и юноша вскочил на ноги чуть ли не раньше, чем почувствовал тошнотворный запах «розовой слюны»...

...В этот раз горечи, от которой сводило зубы, почти не чувствовалось. И омерзительной шершавости – тоже: малюсенький – с ноготь мизинца – кусочек коры нежно лег на язык, ласково ткнулся в передние зубы и приник к верхнему небу. Потом набух, потяжелел и дохнул в десны легким холодком. А когда они слегка онемели, наполнил рот восхитительной, ни с чем не сравнимой сладостью!

Болт, ворочавшийся в глазнице, тут же остыл, в мгновение ока покрылся изморозью, а потом осыпался мелкой снежной пылью. Прямо на грязный, покрытый пятнами крови пол.

Юноша облегченно выдохнул и... изумленно вытаращил единственный глаз: крошечные снежинки, подхваченные его дыханием, взвились в воздух и превратились в серебряное облачко, напоминающее геральдический шлем с девятью решетинами⁴⁷, повернутый в три четверти.

Вглядевшись в его серебристую поверхность, от которой почему-то тянуло грустью, он сглотнул подступивший к горлу комок и вздохнул:

– Да, т-ты прав, гра-а-афом мне уже н-не быть...

Шлем злобно оскалился, потемнел и превратился в топор. В тот самый, которым Бельвард учился отрубать конечности – с потертой рукоятью, покрытой замысловатой резьбой, со вмятиной на обухе и лезвием, наточенным не хуже родового меча отца.

Губы юноши искривила злая усмешка:

– Ага, пытался... Но толку?

От топора повеяло жуткой, затмевающей все и вся ненавистью. А через мгновение он заиграл алым, потек и обернулся огромной – с кулак – каплей крови, в которой отражался эшафот. И привязанный к колесу Бездушный...

Бельвард зажмурился и провалился в прошлое...

– ...Ваша светлость, он потребовал пять сотен золотых! И еще по две сотни за каждый удар или касание факелом... – глядя на носки своих сапог, пробормотала Ульяра.

– Итого тринадцать сотен? – деловито уточнил Коммин⁴⁸.

– Пятнадцать... – оскалился отец, – Ты забыл, что его первым делом оскоят!

⁴⁷ Положение шлема в гербе далеко не случайно. Бельварду чудится графский.

⁴⁸ Коммин – самый младший сын графа Ильмара Увераша.

– ОскоПИТ! – подчеркнув последний слог, выдохнула мать. – Бельвард! А потом прижжет рану и отрубят этой твари и руки, и ноги...

Бельвард удовлетворенно кивнул – ни одному из его близких даже и в голову не пришло задуматься о цене, запрошенной за место помощника палача.

– Это еще не все, ваша милость... – Лоб, щеки и шея Ульяры покрылись безобразными алыми пятнами, а голос ошутимо задрожал: – Он сказал, что не выпустит его све... его милость на помост, пока не добьется от него нужной силы удара...

– То есть? – нахмурилась мать.

– То есть его милости придется... э-э-э... поработать... с заключенными... как минимум двое суток...

Увидев, что по щекам Ульяры потекли слезы, а ее рука осенила его знаком животворящего круга, Бельвард непонимающе выгнул бровь и... догадался, что она боится за его Посмертие!

Чувство нежности, которое он испытывал к девушке, чаще других согревающей его постель, мгновенно сменилось диким, всепоглощающим бешенством: она, выросшая в доме Уверашей и обязанная жаждать мести так же, как и ее сюзерен, смела верить в Бога, ее запрещающего!

– Скажешь хоть одно слово про Изумрудную Скрижаль или Вседержителя – и я начну свою службу с того, что вырву тебе язык!!! – вцепившись в рукоять кинжала, выдохнул он. И виновато поклонился отцу: – Прошу прощения за вспыльчивость, ваша светлость...

Ульяра рухнула на колени, как подкошенная, и затряслась в беззвучных рыданиях.

Благосклонно кивнув Бельварду, граф Ильмар подал корпус вперед и вперил взгляд в коленинопреклоненную девицу:

– Передай своему свояку, что деньги значения не имеют. И что мой с... что его помощник приступит к выполнению своих обязанностей уже сегодня ночью...

«Умрет... Обязательно...» – усмехнулась капля. И у слуги Двуликого исчезла правая рука!

– Н-нет! Не так... – с трудом ворочая непослушными губами, пробормотал Бельвард. – Он дол... должен у-умереть от ма-а-асей руки!

Рука вернулась на место. Потом возле колеса появился он, Бельвард, и, зачем-то проверив, как привязано запястье Бездушного, крутанул в руке топор...

– Да!!! Именно так!!! – восхищенно воскликнул юноша. И закусил губу, увидев, что эшафот куда-то исчез, а капля, дрогнув, снова изменила форму. На этот раз превратившись в тонкую женскую кисть, сжимающую арбалетный болт!

– И она... тож-же... у-умрет... – поняв намек, пообещал он. – Т-только на-а-амного медленнее и ба-а-алезнее, чем он...

– Ваша милость, просыпайтесь! Ну же!!! – Несмолкающие причитания, раздающиеся прямо над ухом, заставили Бельварда открыть глаза.

Белое пятно перед левым оказалось подушкой. А черное, клубящееся нечто перед правым...

«Правого глаза у меня нет...» – невесть в который раз за сутки угрюмо подумал он и заскрипел зубами.

– Ваша милость, там... кажется... ваша маменька приехала... – выдохнул Ясс. – И... это... кажется, она... э-э-э... знает...

– Где она? – перепуганно спросил юноша и торопливо откинул в сторону одеяло.

Ответа не потребовалось: входная дверь распахнулась от могучего удара Мельена Бера, и Бельвард, услышав гневный вопль своей матери, обреченно закрыл единственный глаз.

– Ясс, ты – труп!!!

– Ваша светлость, я...

Коротко свистнула сталь, забулькало горло, перехваченное молниеносным ударом, – и Бельвард, догадавшись, что означает это бульканье, взвыл чуть ли не на всю Ремесленную Слободу:

– Маменька, он не виноват!!!

Графиня Марзия Увераш не обратила на его слова никакого внимания:

– Мельен?

– Да, ваша светлость?

– Выброси падаль на улицу...

Еще до того, как прозвучало последнее слово, могучая длань Бера вцепилась в нагрудник быющего в агонии тела и одним движением метнула его в окно.

– Кресло!

Дверь грохнула еще дважды, потом зашелестела сминаемая ткань, и к плечу Бельварда прикоснулась холодная, как лед, рука:

– Рассказывай!

– Она возвращалась из дворца... – обреченно выдохнул он. – Одна... Когда двое Серых затеяли свару прямо посередине Дворцовой, карета остановилась...

– Дальше!

– Мы выстрелили... Конюх и один хейсар умерли сразу... Второго – задело... Она – увернулась...

– Что, сидела на переднем диване? – язвительно поинтересовалась мать.

– В карету стреляли сразу трое... – угрюмо буркнул Бельвард. – Вдоль обоих диванов и по центру кареты... Все трое – попали... Туда, куда целились... А на нее, наверное, смотрели Боги...

– Что дальше?

– Горец, раненный в плечо, рубился как Барс⁴⁹. И, если бы не Ясс... – тут юноша с трудом удержался от стона, – он добил бы и меня!

Мать скрипнула зубами и прошипела:

– Ясс отвечал за тебя головой! Но не уберег...

– Он не Бог-Воин: когда она ударила меня болтом, он добивал хейсара! А если бы и не добивал, то...

– Она? Ты сказал «она»?!

– Да, она! – оторвав голову от подушки и открыв глаз, рявкнул Бельвард. – Баронесса Мэйнария д'Атерн! Гард'эйт Крома по прозвищу Меченый! Или, если вам больше нравится именовать ее по-другому, подстилка Бездушного!!!

Пока он выплескивал наружу сжигающую его злость, Марзия Увераш кусала губы. А когда он замолк – зашипела:

– Ясс... ее... добил?

– Нет, не успел – к карете уже подбегал патруль...

– Ты хочешь сказать, что она жива и здорова?!

– Да...

– Значит, так, Бездушный – твой: делай с ним все что хочешь! А ее привези мне! Целой и невредимой! Ясно?

– Маменька, я...

– ЕЕ – МНЕ!!! ЦЕЛОЙ И НЕВРЕДИМОЙ!!! ЯСНО?!

Услышав в голосе матери нотки, которых боялся даже отец, Бельвард мгновенно оказался на ногах и сложился в поясном поклоне:

⁴⁹ Снежный Барс – Бастарз.

– Да, маменька, ясно!

– А теперь, КОГДА МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ, Расскажи-ка мне, как отреагировали Серые на потерю целой пятерки...

Глава 7

Мэйнария д'Атерн

Пятый день второй десятины

первого травника.

...Услышав жуткий скрежет зубов, я испуганно открыла глаза, увидела перед собой лицо Крома и ужаснулась: на его скулах перекатывались желваки, на лбу и крыльях носа серебрились капельки пота, а на шее вздувались темные, почти черные, змеи жил!

Сообразив, что ему снится какой-то кошмар, я торопливо приподнялась на локте, дотронулась до его плеча и тихонечко прошептала:

– Это сон! Сон, слышишь? Просыпайся!!!

Пальцы Меченого судорожно сжали край одеяла и побелели от напряжения, а с губ сорвался жуткий, клокочущий рык!

– Кром! Это сон! Сон, слышишь? – перепуганно заорала я и изо всех сил дернула его за ворот нижней рубашки.

Напряженное, как канат осадной машины, тело вздрогнуло, и я утонула во взгляде, в котором плескалось безумие.

Я переборола свой страх, заставила себя улыбнуться, набрала в грудь воздуха, чтобы сказать ему что-нибудь успокаивающее и... вдруг оказалась в его объятиях майягарда:

– Ларка? Ларка, ты?!

В выдохе, раздавшемся над моим ухом, прозвучала такая неистовая радость, что сказать «нет» я не решилась. И, покорно уткнувшись носом в грудь Крома, затаила дыхание.

Меченый балансировал на грани между сном и явью буквально пару мгновений. А потом заскрипел зубами чуть ли не сильнее, чем во сне, выпустил меня из объятий и рывком отодвинулся подальше:

– Прости...

В этот момент его лицо показалось мне гипсовым слепком – оно было иссиня-белым и... мертвым. А вот взгляд – живым. Но полным такой беспредельной боли, что у меня пересохло во рту.

– Ничего страшного... – поежившись, пробормотала я. – Бывает...

К боли тут же добавился еще и стыд:

– Мэй, я...

– Тебе не за что извиняться... – выдохнула я и, пододвинувшись к нему поближе, неожиданно для себя притянула его голову к своей груди: – Это был просто сон... Просто сон, слышишь?

Рука, оперевшаяся в постель за моей спиной, напряглась, и я, почувствовав, что он вот-вот отстранится, ласково поцеловала его в макушку.

Кром вздрогнул, выскользнул из моих объятий и, почему-то решив, что я обиделась, виновато опустил взгляд:

– Спасибо...

Я ответила. Предельно серьезно, намеренно сделав акцент на первом слове:

– *Всегда* пожалуйста!

Почувствовав, сколько души я вложила в эту фразу, он слегка покраснел, потом осторожно взял мою руку и... прикоснулся к ней губами!!!

У меня тут же задрожали колени и закружилась голова. А когда он снова поднял на меня взгляд, я почувствовала, что горю. Вся. От щек до пальцев ног!

Увидев, как я отреагировала на его обычный, в общем-то, жест, Кром помертвел – мгновенно выпустил мою руку и еле слышно выдохнул:

– Прости! Я больше не буду...

– Только попробуй!!! – хрипло выдохнула я, уперлась ладонью ему в грудь, заставила лечь на спину и, пододвинувшись вплотную, прошептала ему на ухо: – Мне было очень приятно... Честное слово... Просто немного непривычно...

Кром застыл, покраснел сильнее меня и попытался меня усовестить:

– Мэй, ты что творишь?

Ветерок легкого безумия, вскруживший мне голову во время прикосновения к его груди, путал мысли, как хорошее вино. Наверное, поэтому я ляпнула первое, что пришло в голову:

– Укладываюсь спать...

И по-хозяйски положила колено на его живот...

...Ощущения от прикосновения внутренней поверхности бедра к его пышущему жаром телу оказались такими острыми, что я с трудом удержалась от стона.

Закрыла глаза. Мысленно посетовала на то, что чувствую не голую кожу, а ткань рубашки, и неожиданно для себя передвинула ногу еще дальше.

Ощущения стали еще безумнее – волна дикого жара прокатилась от колена к лону, а потом ударила в голову. Не знаю, что почувствовал в этот момент Кром, но, когда я облизнула губы и затуманившимся взглядом посмотрела в его глаза, он вздрогнул и попробовал отодвинуться. И не успел – я обвила его шею рукой и прижалась к нему еще и грудью.

В животе что-то сладко заныло, оборвалось, и я вдруг поняла, что мужчина, лежащий рядом со мной, – Дар Вседержителя⁵⁰, половинка, ниспосланная мне Богами!

Я потерлась щекой о его плечо, приподнялась на локте, убрала в сторону лезущие в глаза волосы и выдохнула:

– Кром по прозвищу Меченый! Я, баронесса Мэйнария д'Атерн, вверяю тебе свою честь, свою ду...

Широченная, покрытая мозолями ладонь заткнула мне рот раньше, чем я успела договорить:

– Не смей!!!

– ?!

– Не вздумай!!! – рявкнул Кром и выскользнул из моих объятий: – Ты – хозяйка лена Атерн! И последняя в роду...

– Ну и что?

– А то, что ты обязана выйти замуж и оставить наследника...

...Процесс одевания отложился в моей памяти отдельными картинками: ночная рубашка, грудой ткани валяющаяся у моих ног, чьи-то руки, расправляющие подол грубого домотканого платья в цветах Кейвази, уродливый капор, лежащий на столе, незнакомое лицо с яркими пятнами румян на щеках, отражающееся в высоченном – под потолок – зеркале.

Мыслей не было. Только эмоции – горечь напополам с отчаянием. И ощущение пустоты там, где еще ночью было сердце.

Прощание с бароном Дамиром запомнилось приблизительно так же: я делала вид, что слушаю, кивала там, где требовалось отвечать, благодарила, когда чувствовала, что требуется благодарность, и более-менее вовремя приседала в реверансе.

Тяжелее всего оказалось реагировать на вопросы леди Этерии – почувствовав мое состояние, она несколько раз пыталась достучаться до моего сознания, а когда не смогла – предложила перенести отъезд еще на сутки.

⁵⁰ Дар Вседержителя – иносказательное название суженого.

Особого смысла в такой задержке я не видела, поэтому отказалась. И в какой-то момент пришла в себя в рыдване, едущем по направлению к Торговой Слободе.

Смотреть на Крома, сидящего напротив, и снова и снова вспоминать его рассказ о моем ближайшем будущем оказалось невыносимо, поэтому я уставилась наружу и попыталась найти забвение, наблюдая за прохожими.

Как ни странно, смогла – к моменту, когда наш рыдван остановился у лавки мэтра Тикса, я практически смирилась с неизбежным и начала связно соображать. Поэтому заметила, что леди Этерия, сидящая напротив, наряжена в такое же жуткое платье, что и я, а ее телохранитель – Вага по прозвищу Крыло Бури – выглядит как ключник.

Пока мы дожидались хозяина, по словам Ваги, работающего на Тайную службу, и вместе с ним спускались в пахнувший сыростью подвал, мне удалось справиться даже с обидой – я догнала идущего впереди Крома и шепотом извинилась. Но стоило нам пройти по подземному ходу и оказаться на постоялом дворе, битком набитом хейсарами, как у меня снова оборвалось сердце: будущее было рядом! И отказаться от него я не могла...

...Подъем из подвала до площадки второго этажа вымотал меня сильнее, чем пребывание в тюрьме: каждый горец, встречавшийся нам на пути, считал своим долгом выразить мне свое почтение. Причем не абы как, а обязательно с выхватыванием Волчьего Клыка и троекратным воплем, от которого у меня стыла кровь и подгибались колени. Поэтому когда меня наконец втолкнули в какую-то дверь и попросили раздеться, я вцепилась в подол еще до того, как за моей спиной захлопнулась дверь!

Впрочем, это никого не удивило – две дебелие уроженки Шаргайла⁵¹ с нездоровым блеском в глазах, метнувшиеся ко мне, были озабочены не состоянием моей души, а тем, как я выгляжу.

Платье, сорванное с их помощью, тут же полетело в угол, а на меня быстренько натянули исподнее, кожаные штаны, бесстыдно обтягивающие ноги, короткую мужскую нижнюю рубашку и араллук.

Зашнуровав разноцветную тесьму на бедрах и боках, женщины завязали ее причудливыми узлами, потом помогли мне обуть мягкие кожаные сапожки и огорошили непонятым вопросом:

– Как заплетать магас, ашиара?

Что такое магас, я не знала. Соответственно, не имела представления, как его можно заплести. И, заставив себя отвлечься от горьких дум, попросила о нем рассказать.

Оказалось, что магас – это прическа, состоящая из нескольких десятков косичек и служащая как для защиты шеи от скользящих ударов, так и для демонстрации статуса ее хозяйки. Скажем, петля над правым виском свидетельствовала о том, что девушка – на выданье, хитрый узел над левым – сообщал о том, что она – вдова, а косой крест над ухом сообщал всем желающим о том, что она – гейри, то есть посвящена Богу.

Кроме косичек, в магас обязательно заплетали ленты. И тоже далеко не абы как: скажем, лахти, локон, завитый в спираль и перевитый белой лентой, свидетельствовал о чистоте и непорочности. Он же, но горящий алым, – о том, что девушка жаждет крови и отдаст свое сердце победителю каких-то там айге'тта⁵², а черным – о том, что она уже отдала сердце достойному.

Дослушав до этого места, я понуро опустила голову и криво усмехнулась:

– Петлю... Белую ленту... И все...

Хейсарки кивнули, быстренько соорудили требуемое и подвели меня к зеркалу, чтобы я могла полюбоваться на дело их рук.

⁵¹ Шаргайл, Шаргайльский хребет – территория, принадлежащая хейсарам. И название их столицы.

⁵² Айге'тта – «право десницы». Состязания, во время которых выбирается самый сильный воин рода.

Я равнодушно мазнула взглядом по замысловатой прическе, отрешенно отметила, что ноги в кожаных штанах кажутся голыми, и тяжело вздохнула:

– Отведите меня к Крому, пожалуйста...

Та, которая пыталась поправить мой пояс, ошеломленно вытаращила глаза. А вторая нехорошо прищурилась и отрицательно помотала головой:

– Прости, ашиара, но он – мужчина!

– Я – его гард'эйт! – напонила я. – Женщина, отдавшая ему сердце!!!

Хейсарки посмотрели на меня как на неразумного ребенка. И, перебивая друг дружку, объяснили, что он – воин и находится на мужской половине. А я отдала ему только сердце и жизнь...

– А что еще я могу ему отдать? – ошарашенно поинтересовалась я.

– Слово⁵³! Но даже ты отдашь ему еще и его, то все равно сможешь заходить на его половину только в том случае, если он тебя позовет...

Последние слова больно резанули по и без того истерзанному сердцу и заставили меня опустить взгляд: «Он меня не позовет... Никогда...»

– Поэтому... – начала было одна из женщин.

– Я – вейнарка! – рявкнула я. – Поэтому приглашение мне не требуется...

...Дверь, выбитая моей рукой, со всего размаху врезалась в стену. Чуть было не зацепив шествующего по коридору хейсара, чем-то похожего на побратима короля.

Гибко увернувшись от створки, воин повернулся ко мне лицом и, расплывшись в улыбке, выхватил из ножен Волчий Клык.

Я мысленно застонала: «Узнал! И этот!!!»

– У-уэй! У-уэй!! У-уэй!!! – троекратно проревел он. Потом вернул клинок в ножны, гулко врезал кулаком по своей груди и поздоровался: – Полной чаши твоему дому и плодovitости лону, ори'дarr'иара⁵⁴! Я – Унгар Ночная Тишь из рода Аттарк! Счастлив видеть тебя в добром здравии, э'но'ситэ⁵⁵!

Судя по выражению его глаз, эти самые «ори'дarr'иары» и «э'но'ситэ» были чем-то вроде комплиментов. Поэтому я постаралась, чтобы в моем голосе было как можно меньше раздражения:

– Силы твоей деснице и остроты твоему взору, ашер! Я – баронесса Мэйнария д'Атерн!

– Я знаю, латт'иара⁵⁶!

– А ты, случайно, не знаешь, где тут мой майягард? – пропустив мимо ушей еще одно незнакомое слово, поинтересовалась я.

– Конечно, знаю! Позволь, я тебя провожу?

Проводил! Аж до следующей двери! И, вместо того, чтобы пропустить меня вперед, вломился в комнату первым:

– Баронесса Мэйнария д'Атерн, ашер'о⁵⁷! Силы вашим десницам и остроты вашим взорам!

Шагнув следом, я растерянно замерла на пороге – кроме Крома в комнате оказались король Неддар и еще трое хейсаров чуть постарше Унгара.

Увидев меня, хейсары выхватили свои Клыки, вскинули их над головой и тоже «почтили» меня троекратным рыком.

Кром угрюмо уставился в пол.

⁵³ Выходя замуж, хейсарка отдает избраннику Слово, сердце и жизнь...

⁵⁴ Ори'дarr'иара – воин в теле женщины.

⁵⁵ Э'но'ситэ – дословно «цветок, на который падает солнечный луч».

⁵⁶ Латт'иара – дословно «о прекраснейшая».

⁵⁷ Ашер'о – старшие братья (множественное число).

А Латирдан, одетый как простолюдин и не имеющий возможности «помахать» клинком, поздоровался как вейнарец:

– Доброго дня, леди Мэйнария!

– Доброго дня, ваше величество! – склонив голову, ответила я.

– Смотрю, вы уже готовы?

Я обреченно вздохнула:

– Наверное, да...

– Что ж, тогда позвольте мне познакомить вас с вашими женихами...

Глава 8

Кром Меченый

*Пятый день второй десятины
первого травника.*

...На площадь перед Северными воротами мы вылетели с первым ударом сигнального колокола. И, не снижая скорости, помчались к закрывающимся створкам. Увидев наш отряд, стражник, как раз пытавшийся взвалить на плечо деревянные козлы, с помощью которых мытари разделяли въезжающие и выезжающие потоки, развернул их поперек дороги, грозно взмахнул алебардой и... был послан к Дзуликому выскочившим из кордегардии десятником.

Унгар по прозвищу Ночная Тишь, мчавшийся первым, свесился с седла и, красуясь перед Мэйнарией, могучим ударом ладони отправил препятствие в полет к крепостной стене. Стена выдержала. Козлы и стражник – нет: первые развалились на части, а второй в сердцах плюнул себе под ноги и раздраженно шарахнул древком алебарды по правой створке ворот.

Среагировав на звук удара, десятник погрозил ему кулаком и, дождавшись, пока мимо него проедет последний из воинов нашего хвоста⁵⁸, зычно заорал:

– А-а-аппускай!!!

Где-то в надвратной башне заскрипели ворота, и по захабу вдогонку за нами метнулось скрипучее эхо...

...Как только дорога втянулась под сень Роммского⁵⁹ леса, хейсары лба⁶⁰, ехавшие первыми, бросили поводья заводных лошадей Унгару и унеслись вперед, хвост – приотстал, а Намор Медвежья Лапа, придерживая коня, гордо посмотрел на Мэйнарию:

– Герса⁶¹ опущена. Ворота – закрыты. Значит, до рассвета...

– ...выбраться из города можно будет только через стену или с помощью Серых... – хохотнул Итлар Сокол.

Баронесса Этерия Кейвази прыснула. Вага – нахмурился. А Мэй задумчиво посмотрела на обоих женихов и на всякий случай подъехала поближе ко мне.

Воинов перекосило: видимо, они рассчитывали, что баронесса д'Атерн будет искать защиту у кого-то из них. Впрочем, молчали они недолго – буквально через пару минут Даратар Полуночник вспомнил о своей цели и, поравнявшись с леди Мэйнарией, восхищенно посмотрел на нее:

– Да будет вечно полным кубок⁶² в деснице твоего отца, о э'но'ситэ, ибо воистину велик муж, вдохнувший жизнь в столь совершенное тело!

Баронесса удивленно повернулась к нему, и воин, решивший, что ее удивление – признак радости, демонстративно зажмурился, делая вид, что ослеплен ее красотой:

– Твое лицо – благословенный лик лиственного⁶³ солнца, пробуждающего природу от зимней спячки. Твоя улыбка – утренняя заря, отгоняющая ночную тьму. Твои уста – врата в пиршественный зал Снежного Барса, а дыхание – дуновение полуденника⁶⁴, дарующее долгожданное тепло исстрадавшимся от холодного нрава снежня⁶⁵...

⁵⁸ Хвост – тыловой дозор.

⁵⁹ Ромм – графство, примыкающее к Аверону с северо-запада.

⁶⁰ Лоб – головной дозор.

⁶¹ Герса – подъемная решетка.

⁶² По хейсарским поверьям, после смерти душа воина отправляется во дворец к Богу-Воину и занимает место за пиршественными столами.

⁶³ Лиственный – весенний. От слова «лиственъ».

⁶⁴ Полуденник – южный ветер.

– Твои волосы – буйное пламя лесного пожара... – подхватил Ночная Тишь. – Твои глаза – два ключа с холодной как лед водой, а...

– ...ваши слова, ашер'о – целебный бальзам на мою истерзанную душу... – в унисон ему подхватила леди Мэйнария. – Однако, как говорил Агир из Мельена⁶⁶, «муж – это не тот, кто говорит, а тот, кто делает!»

Унгар ошалело посмотрел на Полуночника, задумчиво подергал себя за кончик носа и радостно воскликнул:

– Намор Медвежья Лапа – истинный сын Бастарза: во время штурма Карса он первым ворвался в боевой ход, прошел сквозь алатцев, как Последний Вздох⁶⁷ сквозь трухлявый пень, потом спрыгнул на площадь перед Северными воротами и зарубил полтора десятка защитников!

– Унгар Ночная Тишь – воин, каких поискать! – подхватил «истинный сын Бастарза». – Он взобрался на стену Карса третьим, вместе с Неддаром Вейнарским Львом захватил надвратную башню, потом спустился на площадь и зарубил два десятка воинов!

– Итлар Сокол – краеугольный камень рода Максудов! – взвыл Полуночник. – Он первым ворвался в открытые ворота, сбросил с коня и обезглавил алатского сотника, а потом...

– ...выбежал на площадь и зарубил всех, на кого упал его взгляд! – фыркнула баронесса. Потом полюбовалась на вытянувшиеся лица своих женихов и примирительно улыбнулась: – Ашер'о, я приятно удивлена тем, что вы умеете ценить чужую доблесть, и нисколько не сомневаюсь в том, что каждый из вас – достойнейший представитель своего рода. Однако если вы действительно хотите найти путь к моему сердцу, то попробуйте не только слушать, но и слышать!

Воины растерянно переглянулись.

– Я ценю не слова, а дела! – рявкнула Мэй. – Причем не те, о которых мне рассказывают, а те, которые вижу!

...Выволочка – или добрый совет? – подействовала очень неплохо: все время, пока мы добирались до постоянного двора, хейсары молчали – усиленно вглядывались в переплетение ветвей, вслушивались в щебет птиц и принимались к запахам, которые доносил до нас легкий ветерок. Увы, к их разочарованию, возможности проявить свое мужество им так и не представилось – на нас не напали ни лесовики, ни волки, ни самый заваливающий хорек.

Врагов не оказалось и в «Сломанном Колесе»: при виде десятка хейсаров, вооруженных до зубов, пожилой купец и пара *щитов* из его охраны, угрюмо наблюдавшие за процессом подковывания каурого скарга, предпочли подняться в свои комнаты. Кажется, даже не поужинав. А хозяин постоянного двора, мелкий, но жилистый мужичок лиственей эдак сорока – сорока пяти, походил на разбойника, как лист подорожника – на арбалетный болт.

Правда, когда он выскочил во двор и представился, пара особо доблестных уроженцев Шаргайла рванулась было к нему, но тут же остановилась, разглядев, что этот «враг» крив на один глаз и подволакивает ногу.

Пока Вага выяснял, есть ли в «Колесе» свободные комнаты, женихи посовещались и решили проявить себя ночью. Охраняя окно и дверь в комнату баронессы.

Выслушав их предложение, леди Мэйнария пожала плечами и согласилась:

– Я не против, охраняйте...

⁶⁵ Снежень – зима.

⁶⁶ Агир из Мельена – один из известнейших философов Горгота.

⁶⁷ Последний Вздох – на Горгоде узкий трехгранный кинжал, которыми добивают воинов, одетых в глухой доспех. Аналог земной мизерикордии.

Воодушевленные ее реакцией воины подхватили хозяина «Колеса» под локти, затащили его на второй этаж, в его присутствии осмотрели все пять оплаченных Вагой комнат, дождались нашего появления и... онемели, услышав, что Мэй собирается ночевать со мной.

Обе хейсарки и Вага отреагировали резче: женщины мрачно сдвинули брови к переносице и возмущенно зашипели, а побратим короля Неддара прищурился и недовольно посмотрел на меня – мол, ты понимаешь, что творишь?

Я пожал плечами и криво усмехнулся: «Понимаю, но сделать ничего не могу...»

Сообразив, что одного взгляда мало, Крыло Бури скрипнул зубами и гневно раздул ноздри:

– Кром, ты...

– Это МОЕ решение! – перебила его Мэй. – И оно не обсуждается...

Вага поиграл желваками и сдался: склонил голову и отступил назад, чуть не сбив с ног Даратара Полуночника. Тем самым выбив его из ступора.

– Ашиара, ты НЕ МОЖЕШЬ ночевать в одной комнате с мужчиной, не являющимся твоим близким родственником!!! – сжав кулаки и качнувшись вперед, прошипел жених. – Это бросает тень на твое имя!!!

Мэй презрительно оглядела его с ног до головы и тряхнула головой. Так, что тоненький локон, перевитый белой лентой, упал ей на грудь:

– Ты ослеп, воин! И потерял дорогу. Поэтому я тебя больше не держу...

– Что? – растерялся хейсар.

Баронесса его не услышала – взглядом показала мне на дверь одной из комнат, дождалась, пока я ее открою, и спокойно вошла внутрь.

Я шагнул следом и, уже прикрывая створку, услышал тихий голос леди Этерии Кейвази:

– Ты искал путь к ее сердцу?

– Да, ашиара!

– Так вот, ты его уже не найдешь...

...Следующие минут пятнадцать, пока водоносы «Сломанного Колеса» таскали в комнату горячую воду, Тиль, наперсница леди Мэйнарии, пыталась объяснить баронессе, что ее поведение неправильно. Что уважающая себя девушка должна ночевать либо с матерью, либо с сестрами, либо с родственницами женского пола. А в тех редких случаях, когда нет такой возможности, – со служанками, с отцом или кровными братьями.

Видимо, безумно эмоциональный монолог, во время которого хейсарка то и дело поминала Бастарза, Найтэ и Хэль, довел баронессу до бешенства, так как, дождавшись, пока бочка наполнится, она собственноручно закрыла ставни, опустила засов на двери и начала раздеваться! «Забыв» попросить меня отвернуться.

Конечно же, я сделал это сам – повернулся к ней спиной и уткнулся лицом в стену – но сам факт того, что меня оставили в комнате во время переодевания, Тиль просто убил:

– Ашиара, а... он?

– Он – больше чем мать, отец, сестры и братья, вместе взятые... – выдохнула Мэй. – Он – Дар... Бастарза!

У меня екнуло сердце: она говорила не для нее, а для меня! И хотела сказать не «Дар Бастарза», а «Дар Вседержителя»!!!

Тиль молчала минуты полторы. А когда за моей спиной плеснула вода, собралась с духом и спросила:

– А как же... э-э-э... муж?

– Я отдала Крому все, что у меня есть... А муж – будет только мужем...

Настроение, и так бывшее омерзительным, стало еще хуже. Я поискал рукой посох, потом вспомнил, что отдал его королю, и в очередной раз пожалел, что согласился на его предложение.

– Мэй – последняя в роду. И – женищина... – глядя на меня, вздохнул Вейнарский Лев. – По законам Вейнара – сухая ветвь. Понимаешь?

Что тут было понимать – после ее замужества лен Атерн должен был перейти к другому роду.

– По сути, я должен выдать ее замуж и забыть о ее существовании. Но Латирданы в долгу перед д'Атернами. И не оплатить ей этот долг я не могу...

– А что, есть другой выход, сир? – осторожно поинтересовался я.

– Есть! – кивнул король. – Я могу выдать ее замуж за хейсара...

– И что при этом изменится?

Неддар качнулся с носка на пятку и обратно, потом посмотрел на леди Этерию и грустно улыбнулся:

– Мэйнария д'Атерн – гард'эйт! И при этом – девушка... Обычно тех, кто отдал свое сердце другому, начинают превозносить после смерти. Но в ее случае все по-другому: выступив в суде, она УЖЕ шагнула на эшафот и тем самым доказала, что ее клятва – не просто слова. Поэтому Шаргайл забурлил...

– Не только поэтому! – тихонечко добавила Этерия Кейвази. – Старейшины хейсаров потрясены тем, что род, породивший и ори'т'анна⁶⁸, и женищину-гард'эйт, может прерваться!

– Угу... – кивнул король. – Так и есть... В общем, они посоветовались с увеем⁶⁹ и предложили мне выход: Мэйнария выбирает достойнейшего из нескольких младших сыновей глав известнейших родов Шаргайла и выходит за него замуж. Во время свадебной церемонии ее избранник отказывается от своего рода и входит в ее. А их первенец становится бароном д'Атерн!

Я мрачно усмехнулся и пожал плечами:

– Звучит красиво, сир! Но чтобы все это сложилось, баронесса должна отказаться от данной клятвы. Должна, но... не откажется!

Латирдан скривился, как от зубной боли:

– Я знаю. Поэтому и прошу тебя дать ей два года...

– Простите, сир?

– Ты ведь пока не завершил свой Путь, правда? Так сделай последний Шаг не сейчас, а тогда, когда твоя гард'эйт родит и хоть чуть-чуть вскормит ребенка!

– Сир, я...

– Вдумайся в то, что я предлагаю! – взмолился король. – Это не отказ от клятвы! И не обман своего Бога – ты просто подаришь два года счастливой жизни человеку, который готов за тебя умереть!

– Мы уважаем твой Путь и понимаем, что остановиться в шаге от того, к чему ты стремился всю свою жизнь, безумно тяжело! – схватив меня за руку, пылко воскликнула баронесса Кейвази. – Но ты – сильный! Ты – мужчина! И ты сможешь!

– А если она родит не сына, а дочь? – опустил голову, спросил я.

– Как только у них родится ребенок, ее муж станет полноправным бароном д'Атерн. И сможет привести вторую жену...

«Два года... – мрачно подумал я. – Пятнадцать десятин до окончания траура, свадьба, беременность и несколько месяцев на вскармливание ребенка... И все это время – рядом с ней...»

Сердце бухнуло в грудную клетку и остановилось: я воочию увидел Мэй стоящей перед бочкой в чем мать родила и задохнулся от желания.

⁶⁸ Ори'т'анн – буквально «воин, посвятивший свою жизнь служению вождю».

⁶⁹ Увей – верховный жрец Бастарза (хейсарск.).

Словно почувствовав мое состояние, Мэй тяжело вздохнула и буркнула:

– Мне не хватает взгляда...

– Что? – не поняла Тиль.

– Ничего... – грустно ответила она и вздохнула: – Ладно, некогда расслаживаться. Помоги помыть волосы, пожалуйста...

Глава 9

Брат Ансельм, глава Ордена Вседержителя

Шестой день второй десятины

первого травника.

...Как и обещал брат Айрин, первая же ложка густого наваристого бульона заглушила мерзкий вкус выпитого отвара, а аромат свежее испеченного хлеба перебил гнусный запах лечебных мазей.

Благодарно кивнув сидящему рядом с ложем лекарю, Ансельм открыл рот и с удовольствием проглотил очередную порцию исходящего паром варева.

– Пахнет изумительно... – подхватив ложкой крошечный кусочек куриного мяса, улыбнулся Айрин. – Ну-ка, открываем ротик и... ой, простите, ваше преподобие!!!

Отличное настроение, в котором глава Ордена Вседержителя пребывал с самого рассвета, словно ветром сдуло – с ним обращались как с несмышленным ребенком!

Он грозно нахмурил брови и холодно процедил:

– Три ночи на горохе⁷⁰. Две сотни повторений «Покаяния» и три сотни – «Смирения»!

Лекарь сгорбил плечи и опустил взгляд:

– Как прикажете, ваше преподобие...

– Ну, и чего расселся? Корми дальше!

Тощая и пахнувшая травами рука, ощутимо дергаясь, устремилась к тарелке. А из груди брата Айрина вырвался сокрушенный вздох: по его мнению, наказание было чрезмерно жестоким.

«Сам виноват...» – угрюмо подумал Ансельм, открыл рот и тут же его захлопнул, вопросительно уставившись на брата Бенора, выскользнувшего из-за портьеры.

– Брат Рон, ваше преподобие! – доложил монах и шевельнул пальцами, показывая, что иерарха стоит принять немедленно.

– Приглашай... – распорядился глава Ордена, потом повернулся к брату Айрину и взглядом показал ему на дверь.

...Ворвавшись в опочивальню Ансельма, брат Рон осенил себя знаком животворящего круга и ослепительно улыбнулся:

– Прекрасно выглядите, ваше преподобие: на щеках наконец появился румянец, а в глазах – жажда жизни!

Почувствовав, что веселость иерарха настоящая, а не показная, глава Ордена Вседержителя обрадовался, решил пересесть повыше, но вовремя вспомнил про свое состояние и отрывисто бросил:

– Рассказывай!

Иерарх подошел поближе к ложу, засунул руки в рукава сутаны и продемонстрировал два ряда ослепительно-белых зубов:

– Пришло письмо от брата Растана!

– Ты сияешь так, как будто он удавил Латирдана... – раздраженно хмыкнул Ансельм.

– Увы, ваше преподобие... – Монах развел руками, но улыбаться не перестал: – Короля Неддара охраняют уж очень хорошо. А вот графа Рендалла, как оказалось, не очень!

– Достали? – недоверчиво выдохнул глава Ордена Вседержителя.

– Ага: он – при смерти!

– Как?

⁷⁰ Наказание, во время которого требовалось стоять коленями на горохе.

– Брат Растан, конечно же «совершенно случайно», столкнулся на улице с женой одного из дворцовых поваров... – хохотнул иерарх. – И был до глубины души «поражен» ее красотой. Сделал ей учтивый комплимент, восхищенно улыбнулся...

– Короче!!! – нахмурился глава Ордена.

– Снял домик для свиданий и в первый же визит «возлюбленной» познакомил ее с братом Годримом... – торопливо пробормотал Рон. – А на следующий день она привела к нему мужа...

– И?

– Годрим убедил его в том, что он тоже повар, «поделился» с ним рецептом какого-то редкого блюда и кое-какими приправами...

– Чем все закончилось?! – рыкнул Ансельм.

– Повар подсыпал Рендаллу в ужин щепотку Черного Льда⁷¹!

Глава Ордена Вседержителя почувствовал, что его губы сами собой расплзаются в мстительной улыбке:

– Думаю, ему было о-о-очень вкусно!

– Ага...

– Как считаешь, он выживет?

– Не думаю... – осклабился иерарх. – Мэтр Регмар, лекарь Неддара Латирдана, почему-то решил, что состояние Грасса – следствие перенесенного удара. И не просто решил, а убедил в этом еще и Арзая Белую Смерть...

– То есть повар – на свободе и продолжает готовить? – ошарашенно уточнил Ансельм.

– Да, ваше преподобие!

– Прелестно! Дайте Грассу порадоваться жизни эдак с десятину, а потом накормите Льдом еще раз...

– Накормим, ваше преподобие... – ухмыльнулся иерарх. – А потом с удовольствием оплачем!

– Ладно, плакальщик, рассказывай, что еще хорошего...

Рон почесал подбородок и зачем-то посмотрел в окно:

– Хорошего? Брат Кольер собрал и испытал уже семнадцать обычных и четыре тяжелых метателя. Таким образом, их у нас стало двадцать два – если, конечно, считать тот, который отправили в Берн...

– А что брат Малюс?

– Он в диком восторге: утверждает, что научился метать ведерный⁷² сосуд с Огнем Веры почти на целый перестрел⁷³...

– Ого!

– Да-а-а!!! – закатил глаза иерарх. – Жду не дождусь возможности посмотреть на это чудо своими глазами!

– Посмотришь. Через месяц. Когда поедешь в Парамскую обитель принимать работу...

Уловив в голосе Ансельма нотки раздражения, брат Рон виновато потупил взгляд и вздохнул:

– Айрин делает все что может...

– Вижу! Рассказывай дальше!

– Хорошо... Я отправил брату Малюсу сотню золотых, чтобы он заказал достаточное количество горшков под Огонь Веры, и на всякий случай послал к нему же еще два десятка братьев-клинков. Кроме того, распорядился найти поляну в глубине Парамского леса, дабы

⁷¹ Черный Лед – местный яд сердечно-сосудистого действия. Аналог гликозидов наперстянки.

⁷² Ведро – местная мера веса. Порядка 8 кг.

⁷³ Местная мера длины. Порядка 180 м. Для справок – 70-е годы двадцатого века старшеклассники одной из американских школ сделали мощный онагр, дав ему имя «Император». Камень весом в 9 кг улетел на 148 м.

тренировки по стрельбе проходили как можно дальше от любопытных глаз. В ближайшие дни туда перетащат десять метателей и стрелки займутся делом...

– Правильно... – кивнул Ансельм.

Иерарх задумчиво пожевал ус и вздохнул:

– С хорошими новостями, пожалуй, все. Хотя нет, не все – есть подвижки и у брата Дайтера...

...Слово «подвижки» оказалось преуменьшением. Причем сильным: десятник клинков, волею Ансельма вознесшийся до третьего места в иерархии Ордена, взялся за порученное ему дело крайне добросовестно. И, тщательно изучив просчеты своих предшественников, решил подойти к решению проблемы с другого конца – прежде чем ДЕЛАТЬ, попытаться ПОНЯТЬ!

Естественно, не самостоятельно, а с помощью тех, кто действительно знает. И приказал братьям-клинкам, засланным в Шаргайл еще братом Ламмом, найти горцев, недовольных своими сородичами.

Те подсустились и нашли пару изгоев. Или, как себя называло это отребье, ори'те'ро⁷⁴.

Десяток золотых, подаренный меч, несколько ничего не значащих обещаний – и у «лишенных корней» развязался язык. Весьма неплохо – по утверждениям Рона, воины, воодушевленные открывшимися перспективами, были готовы на что угодно. И охотно рассказывали как об обычаях, так и о взаимоотношениях между кланами.

Конечно же, не обходилось без преувеличений – воины всячески превозносили свои способности и ни во что не ставили всех остальных. Поэтому братьям-клинкам, неплохо владеющим методикой ведения допросов, пришлось проверять чуть ли не каждое слово, сказанное одним, у другого, и наоборот.

Такой подход к заполнению белых пятен в знаниях Ордена о менталитете хейсаров не мог не принести результата, и на брата Дайтера снизошло озарение – он придумал план, причем сразу из трех слоев. Да, сырой, да, несколько наивный – но реальный!

Представив себе все открывающиеся перспективы, Ансельм не смог удержаться от довольной улыбки: про Вейнар, кость в горле, не дающую Ордену двигаться дальше вот уже два лиственя, можно было забыть. Эдак к середине жолтенья...

...Поворочав идею иерарха так и эдак, глава Ордена Вседержителя открыл глаза и уставился на брата Рона:

– Значит, так: Дайтеру скажешь, что я ОЧЕНЬ доволен и счел его достойным решить более сложный вопрос – вопрос с принцем Бальдром...

В глазах иерарха мелькнуло сомнение:

– Ваше преподобие, вы хотите поручить реализацию его плана мне?

– Да...

– Дайтер может решить, что это решение – результат моих интриг...

– Не решит – пригласишь его ко мне, и я сам объясню ему свои мотивы...

– Так будет лучше... – облегченно выдохнул Рон. – Особенно если вы разрешите ему переселиться в покои брата Ламма и подарите ему пару-тройку молоденьких сестер...

– Переселю и подарю... – кивнул Ансельм. И, взглядом приказав иерарху заткнуться, подробно объяснил, как надо строить общение с изгоями.

К концу рассказа в глазах монаха появилось искреннее восхищение:

– Ваше преподобие, ТЕПЕРЬ этот план просто обречен на успех!

– Угу... Если приложить к нему голову, а не задницу...

...Через пару минут, уточнив кое-какие мелочи и разобравшись с теми обещаниями, которые надо будет дать изгоям, Рон задумчиво уставился в окно и почесал затылок:

– Получается, что мы ничего не потеряли...

⁷⁴ Ори'те'ро – дословно «воин, потерявший свои корни». Т. е. человек, покинувший свой род.

– Потеряли? – не понял Ансельм. – В каком смысле?

– На днях Неддар Латирдан отправил в опалу Этерию Кейвази, и я ломал голову, пытаюсь понять, через кого еще к нему можно подойти...

– Ты уверен, что это именно опала?

– Да, ваше преподобие! Говорят, что ее вещи из покоев чуть ли не выбрасывали!

– Что ж, бывает и такое... – буркнул Ансельм, шевельнул правой рукой и чуть не взвыл от вспышки боли в сломанной ключице.

– Вам плохо, ваше преподобие? – встревоженно спросил брат Рон.

– Н-нет... Хотел сесть поудобнее... – прошипел глава Ордена и в очередной раз мысленно проклял всех тех, кто был виноват в его теперешнем состоянии.

Легче от этого не стало. Наоборот – дико зачесалась кожа под многочисленными повязками, заныла рана на ягодице и пересохло во рту.

Скосив взгляд на кувшин с обезболивающим, он облизал пересохшие губы и криво усмехнулся – боль была не особенно сильной. Значит, надо было терпеть.

– Разберись, насколько сильно обижены Кейвази. Если очень, то подведи к ним брата потолковее – пусть попробует понять, на что они готовы, чтобы отомстить. Если нет – поспособствуй тому, чтобы их ненависть стала как можно сильнее...

– Как, ваше преподобие?

– Пусти слух, что ею попользовались и бросили! Причем такой, чтобы на добром имени баронессы не осталось ни одного чистого пятнышка. А когда Дамир Кейвази выйдет из себя, мы получим очень неплохого союзника...

– Сделаю... Кстати, о союзниках: как мне кажется, мы можем подтолкнуть к сотрудничеству с нами либо Уверашей, либо Голонов...

Ансельм удивленно приподнял бровь:

– С чего это вдруг?

– Три дня назад в Авероне убили главу гильдии Охранников Вейнара. По уверениям моих людей, единственной реальной причиной этого убийства может быть лишь месть за его недавнее выступление в суде...

– Что за выступление?

– Деталей я пока не знаю... – вздохнул иерарх. – Знаю лишь только то, что Голоны винят в смерти блудного сына не кого-то, а именно Уверашей...

– Лишних союзников не бывает... – улыбнулся Ансельм. – Поэтому разберись с причиной этой ненависти и предложи нашу помощь. Можно обеим сторонам...

– Но и Увераша, и Голоны беззаветно преданы Латирданами!

– Времена меняются... И если их преданность дала трещинку, то мы ее расширим...

Глава 10

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Седьмой день второй десятины

первого травника.

...Щелчок тетивы арбалета, короткое гудение, глухой удар – и неугомонный Итлар из рода Максудов очередной раз поднял коня в галоп, чтобы успеть подхватить на лету падающий с дерева окровавленный комок перьев.

Успел. За мгновение до того, как тельце несчастной птички коснулось высокой – по середину бедра – травы. И, гордо вскинув трофей над головой, заулюлюкал.

– Интересно, ему не надоело? – «восхищенно» глядя на летящего к нам всадника, еле слышно поинтересовалась леди Этерия.

– Судя по выражению лица – нет... – мрачно отозвалась я и постаралась не скалиться, чтобы не расстроить несущегося ко мне «героя»...

...Осадив коня перед мордой моей кобылки, Сокол привстал на стремях и взмахнул зажатой в руке тушкой:

– Услышь меня, о, кати'но'сс'ай⁷⁵! Если ты выберешь меня, то в нашем доме никогда не переведется свежая дичь, а дети вырастут сильными и здоровыми...

– Твоя рука – тверда, как слезы Эйдилии⁷⁶, а взор остер, как взор орла... – стараясь следовать советам Ваги как можно точнее, «приветливо» улыбнулась я. – Но для того, чтобы я услышала твою Песнь, умения разить птичек слишком мало...

Соперники Итлара увидели в моем ответе завуалированную издевку и расхохотались. Он – почему-то обрадовался:

– Труден путь к вершине Ан'гри⁷⁷, но первый шаг я уже сделал... Пройдет несколько десниц – и к моим ногам падет весь Горгот!

– Зачем тебе весь Горгот, Сокол? – выгнув бровь, ехидно поинтересовался Даратар Полуночник. – Неужели тебе мало одной леди Мэйнарии?

– Чтобы бросить его к ее ногам!!! – выкрутился воин. И встревоженно посмотрел на меня. Я сделала вид, что не поняла двусмысленности его ответа и снова улыбнулась. Зря – моя улыбка не только обрадовала Сокола, но и раззадорила остальных.

– Весь Горгот в ногах – это же ни сесть, ни лечь... – хмыкнул Унгар Ночная Тишь. – Знаешь, Вечность, проведенная стоя, – не лучшее будущее для э'но'ситэ!

– Я буду носить ее на руках!

– Всю Вечность? А как же свежая дичь? – захлопал ресницами Медвежья Лапа. – Или ты собираешься отрастить себе еще пару рук?

Поняв, что хейсары опять завелись и не успокоятся, даже если на нас нападут лесовики, я натянула поводья и решительно направила кобылку к опушке.

У женихов тут же испортилось настроение – как же, я собиралась отойти по нужде в сопровождении Крома!

Конечно же, задержались не только они – Тиль прищепила своего жеребца и, поравнявшись со мной, поинтересовалась, нет ли у меня желания прогуляться вместе с ней, Этерия Кейвази демонстративно нахмурила брови, а Вага Крыло Бури нервно стиснул рукоять Волчьего Клыка.

⁷⁵ Кати'но'сс'ай – дословно «лепесток цветка вечерней зари».

⁷⁶ Слезы Эйдилии – местное название алмаза.

⁷⁷ Ан'гри – «свеча рассвета». Самый высокий пик Шаргайльского хребта.

Реакцию двух последних я, по своему обыкновению, не заметила, а Тиль отказала, сказав, что один спутник у меня уже есть.

Пока хейсарка переваривала ответ, кобылка довезла меня до деревьев и остановилась. Я спешила, набросила повод на ближайшую ветку, дождалась, пока Кром достанет из черес-седельных сумок флягу с водой, и следом за ним нырнула в царство тени.

В лесу было тихо и прохладно. А еще пахло прелой листвой и какими-то ягодами. Настроение тут же скакнуло вверх, и я довольно заулыбалась.

В отличие от меня, Кром было не до улыбок – будь его воля, он оставил бы меня с Тиль. Естественно, после того, как убедился бы в том, что мне ничего не угрожает.

Полюбовавшись на его мрачный оскал, я дождалась, пока он найдет для меня подходящее место и повернется ко мне спиной, подошла к нему вплотную и ехидно хихикнула.

– Опять? – развернувшись на месте и укоризненно уставившись мне в глаза, спросил он.

Я довольно мотнула головой, шагнула к нему навстречу, спрятала лицо на его груди и чуть не заплакала, когда он отстранился:

– Мэй, так нельзя...

– Мне до смерти надоела стрельба по всему, что бежит и летает, комплименты, лесть, воинственные вопли и безостановочная болтовня... – с трудом сдерживая слезы, выдохнула я. – Я хочу... э-э-э... тишины!

– И поэтому ты сбегаешь в лес? – явно поняв, что хочу я никакой не тишины, а возможности побыть с ним наедине, вздохнул Кром.

– Да: после каждой такой остановки они по полчаса молчат!

Он поскреб пальцами шрам на щеке и развел руками – мол, вот она, тишина. Радуйся!

Радоваться в одиночку я не собиралась, поэтому сделала еще один шаг вперед и попросила:

– Обними меня, пожалуйста!

– Мэй!!!

– Что – «Мэй»? – воскликнула я, вцепилась в его нагрудник и встала на цыпочки: – Посмотри мне в глаза! Неужели ты не видишь, что мы – две половинки одного целого? Что я готова на все, лишь бы ты был со мной?! Что в моем сердце нет места ни для каких женихов?!

Кром скрипнул зубами, зачем-то посмотрел в сторону дороги и опустил взгляд:

– Нам пора... Давай поговорим об этом вечером?

Я обрадованно кивнула, потянулась к его щеке, чтобы коснуться ее губами, и, конечно же, промахнулась – он без особого труда выскользнул из моего захвата и спрятался за дерево!

Мне стало смешно и приятно – я видела, как он смотрел на мои губы перед тем, как увернуться.

Поэтому я раскинула руки, уставилась на клочок синего неба над головой и закрутилась в безумном танце...

...Следующие несколько часов я тихо сходила с ума, не замечая ни стремительно темнеющего неба, ни перешептываний Тиль и ее подружки Сати, ни мрачных взглядов Ваги и женихов: Кром ехал совсем рядом, стремя в стремя, и я умирала от желания прикоснуться коленом к его колену.

Нет, смотреть на него я себе не позволяла: слушала рассуждения леди Этерии о куртуазной поэзии Белогорья и, кажется, даже высказывала свое мнение. Но при этом видела перед собой лицо Крома, раз за разом мысленно повторяла его слова «мы поговорим об этом вечером...» и представляла себе этот разговор.

Хотя нет, не разговор, а взгляды. Его взгляды: самый первый, в котором должна была плескаться боль напополам с решимостью следовать своему Пути. Второй, который должен был появиться в середине разговора, – с постепенно разгорающимися искорками сомнения и

робкой надеждой. И, конечно же, последний – полный чистой, незамутненной радости, нежной любви и безумного желания.

Последний волновал сильнее всего. И одновременно пугал до дрожи в коленях: стоило представить себе таинственный полумрак комнаты на постоялом дворе, ослепительно-белые простыни и Крома, лежащего рядом, как я напрочь переставала соображать! В прямом смысле этого слова: у меня пересыхало во рту, екало сердце, а в животе появлялось ощущение, будто в нем натягивается безумно тугая струна!

Тут я останавливалась и пыталась вернуться к самому началу разговора. Чтобы не представлять того, что может случиться дальше. Тогда, когда он смиритесь с неизбежным и примет мое Слово...

...Начавшийся дождик добавил моему сумасшествию еще немного остроты – я начала представлять, как Кром стягивает с меня липнущее к телу мокрое белье, как ненароком прикасается пальцами к моей коже, а потом безумно долго слизывает огромные прозрачные капли с моей обнаженной груди.

Картинка из двенадцатой главы «Тайн дворцовых альковов» возникала перед моим внутренним взором как живая. Только не сбоку, как в свитке, а со стороны моего лица: я – в нежно-розовой нижней рубашке, разорванной до живота, – лежала на горе разноцветных подушек, почти касаясь груди кусочком тающего льда. Кром – в полурасстегнутом камзоле с белоснежным воротником и обшлагами рукавов – клонился к моему соску, на котором ослепительно блестела восхитительно красивая капля.

Когда там, в картинке, он, наконец, касался ее кончиком языка, у меня темнело в глазах и начинала кружиться голова. Поэтому я откидывала на плечи капюшон, вглядывалась в клочья серых облаков, почти касающихся вершин деревьев, и молилась всем Богам сразу, чтобы дороги развезло и мы застряли на постоялом дворе хотя бы на десятину...

...Увы, Богам оказалось не до меня – минут за десять до того, как мы добрались до покосившегося столба, с которого скалился выбеленный временем медвежий череп, дождик практически перестал, а на небе появились ярко-синие просветы.

Поняв, что десятины в постели с Кромом, скорее всего, не будет, я угрюмо вздохнула и поймала на себе встревоженный взгляд Этерии Кейвази.

Я непонимающе нахмурилась и направила кобылку поближе к ней.

– Мэй, что произошло в лесу? Ты сама не своя...

– Вроде ничего...

– А если подумать?

– Я поняла смысл одного из самых странных изречений Игенора Мудрого... – неожиданно для себя ляпнула я. – «Жить надо так быстро, как будто живешь последний час. И так медленно, как будто впереди – Вечность...»

Баронесса сглотнула, покосилась на Крома, потом посмотрела на меня расширенными от ужаса глазами и почти неслышно спросила:

– А как же долг перед короной и родом?

...По лестнице я поднималась как на эшафот – медленно-медленно, ничего не видя перед собой и, кажется, даже не думая. Хотя нет, думая – в голове билось одно-единственное слово: «Должна... Должна... Должна...» И все глубже вбивало меня в омут отчаяния.

Скрип двери, шлепок переметных сумок, хлопок закрывающихся ставней, топот ног водноносцев – каждый звук, доносящийся до меня, я не слышала, а ощущала. Кожей. С большой задержкой. И словно через толстенную подушку.

Прикосновения – тоже: то, что Кром поставил меня на ноги и помогает раздеться, я почувствовала только тогда, когда осталась в одном белье.

Потом поняла, что он делает, вздрогнула, позволила ему стянуть с меня нижнюю рубашку, на негнувшихся ногах подошла к бочке с водой, представила, как он положит голову на ее край и уставится мне в глаза и... заревела.

Купание было забыто в то же мгновение – Меченый подхватил меня на руки, в два прыжка донес до кровати, завернул в одеяло, посадил к себе на колени и нежно прижал к груди. Потом закрыл глаза, осторожно провел ладонью по моим волосам, прикоснулся пальцем к кончику носа, дотронулся до губ и улыбнулся:

– Ты красивая... Очень-очень... Слышишь?

Я слышала, но говорить не могла.

– Мне безумно нравится твоя улыбка, Половинка... Нет, не Половинка, а Огонек! Маленький, но теплый и яркий-яркий...

Я уткнулась носом в его мокрый нагрудник и заплакала еще горше – он чувствовал то же, что и я, а я...

– Когда ты улыбаешься, мне становится теплее...

Меня заколотило.

– ...а когда ты плачешь, я замерзаю. И снова превращаюсь в того самого Бездушного, который когда-то вошел в захаб вашего родового замка...

«Родового?» – мысленно переспросила я и застонала.

– ...в холодного, равнодушного и почти мертвого...

– Ты не холодный, не равнодушный и не мертвый!!! – всхлипнула я.

– Это потому, что ты меня согрела! А если будешь плакать, я умру. И на этот раз – окончательно...

«Умрет. А я – вместе с ним... – обреченно подумала я и криво усмехнулась: – Тогда все закончится. И для него, и для меня...»

– Эй, Огонек, ты, кажется, собиралась со мной о чем-то говорить...

Я заглянула в его глаза и поняла, что еще мгновение – и я не смогу сказать ему то, что собиралась!

Зажмурилась, нащупала рукой бедро и изо всех сил впилась в него ногтями.

Больно не было. Совсем. Так, где-то на краю сознания что-то кольнуло.

– Огонек, мне не нравится твой взгляд... – испуганно выдохнул Кром. – Ты меня пугаешь!!!

«Я должна... Я должна! Я – должна!!!» – мысленно заорала я и представила себе голос отца:

– ...Корона, род, ты. И никак иначе...

– Папа, а как же Слово?

– Прежде, чем что-то обещать – думай...

– А... честь?

– Честь – превыше всего...

Слезы высохли сами собой:

– Положи меня на постель, пожалуйста...

Положил. Осторожно, как белогорскую вазу. И нехотя убрал руки.

Я выпростала руку из-под одеяла, убрала с лица мокрые волосы и вздохнула:

– На мне – долг. Перед тобой, короной и родом. Я разделю твою жизнь, как только ты скажешь. Но до этого сделаю все, чтобы оставить наследника...

Глава 11

Кром Меченый

*Девятый день второй десятины
первого травника.*

...Назвать деревней пяток ветхих домишек и пару разваливающихся сараев, испуганно жмущихся к придорожному трактуру, у меня бы не повернулся язык. Выселком⁷⁸, усадьбой, даже хутором – да, но никак не деревней. А Мэй назвала не задумываясь. Вернее, попросила представить, что это – деревня.

Женихи попытались: Медвежья Лапа нахмурил брови и кивнул, Сокол – подергал себя за ус, а Ночная Тишь почесал затылок и улыбнулся.

– А теперь скажите мне, какие налоги и почему вы бы с нее брали...

Итлар из рода Максудов ошалело посмотрел на покосившийся плетень придорожного тракта, а потом перевел взгляд на мою гард'эйт:

– Налоги? Мы?

Мэй бесстрастно пожала плечами:

– Лен д'Атерн – это не только замок, но и четыре с лишним десятка деревень, а также пашни, луга, озера, реки и дороги. Я хочу быть уверена, что мужчина, который претендует на мое Слово, не только храбрый воин, но и бережливый хозяин...

Унгар и Итлар пошли пятнами, а Медвежья Лапа потянулся к рукояти Волчьего Клыка и зарычал:

– Мы – воины, а не женщины!

– Барон – это не воин, а вождь! И в его руке не только меч, но и судьбы сотен, а то и тысяч людей...

– Для того чтобы взимать налоги, нужны мытари... – покосившись на старшего брата, буркнул Ночная Тишь.

– И управляющий... – поддержал его Сокол.

– Мытари налоги собирают, а не назначают. Поэтому они и не несут никакой ответственности, – усмехнулась леди Этерия. – А управляющий без присмотра – вор...

Хейсары переглянулись и одновременно пожали плечами:

– Мы будем его проверять...

– Как? – удивилась баронесса. – Смотреть в записи, грозно хмуриться и тискать рукояти своих наш'ги?

– Налоги можно повышать... – хохотнул Полуночник. – А еще ходить в набеги...

– Если я буду требовать у тебя больше, чем у тебя есть, ты вцепишься мне в глотку... – фыркнула леди Этерия. – Что касается набегов – да, можно. Но тогда ты уподобишься ребенку, не сумевшему перерубить черенок лопаты отцовским мечом и поэтому бросившемуся искать алебарду...

Даратар вспыхнул, привстал на стременах и наткнулся на угрожающий взгляд Ваги. Сделал вид, что вглядывается в даль, потом сел и полез в переметные сумки. А вот Ночная Тишь повел себя по-другому – задумчиво почесал затылок и тряхнул головой:

– Ты мудра, о э'но'ситэ! И я, Унгар из рода Аттарк, даю тебе слово, что научусь всему, что ты считаешь нужным...

Я вцепился в луку седла и изо всех сил сжал зубы, чтобы не застонать: по губам Мэй скользнула удовлетворенная улыбка!

⁷⁸ Выселок – сельское поселение, все жители которого перебрались в него из другого населенного пункта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.